

Галина Соколова-Оттыгашева

МОЯ ЖИЗНЬ

Моя исповедь

Галина Соколова-Оттыгашева

Моя жизнь. Моя исповедь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31187206

ISBN 9785449063717

Аннотация

Книга написана в память о нашей маме Соколовой Ульяне Даниловне. Простой русской крестьянке, сумевшей в сложные военные и послевоенные года и воспитать 8 детей. Описан быт, уклад, устои и взаимоотношения людей в нескольких поколениях. Доверительно раскрыта душа дочери Галины, которой еще раз пришлось пережить и осмыслить собственную жизнь сквозь призму прожитых лет. Книга позволит подрастающим поколениям лучше узнать и понять предков и не допускать тех ошибок, о которых придётся сожалеть.

Содержание

ВОСПОМИНАНИЯ – ИСПОВЕДЬ	6
Предисловие	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
О СЕМЬЕ О ДЕТСТВЕ, О ШКОЛЕ	8
СЕМЬЯ ПАПЫ	9
СЕМЬЯ МАМЫ	11
СЕМЬЯ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ	19
КАК СПАСЛИ ТЕТЮ СОНЮ	22
КРАСОТА РОДНОГО КРАЯ	23
КАК МОЕЙ МАМОЙ СТАЛА ТЕТЯ СОНЯ	25
БАБУШКА АГАФЬЯ	28
НАШИ БУДНИ	30
ЖИЗНЬ В НОВОЙ СЕМЬЕ	32
ПЕРВЫЙ КЛАСС	36
ПРО ЭСТОНЦА	37
ВТОРОЙ КЛАСС	41
СЛУЧАЙ С РАЕЙ	44
ДЕТСКИЕ БУДНИ	45
ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ДВОЮРОДНОГО БРАТА	49
ДЕТСКАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ И ЛЮБОПЫТСТВО	51
МОИ ЛЮБИМЫЕ ПОДРУГИ	53

СЕРЕБРЯННАЯ ЛОЖКА	56
ЧЕРНИЛЬНИЦА	58
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОТЧИЙ ДОМ	60
НОВЫЕ ВЕЯНИЯ	64
СИЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ	67
ШЕСТОЙ КЛАСС	69
СЕДЬМОЙ КЛАСС	71
ВОСЬМОЙ КЛАСС	74
ДЕВЯТЫЙ КЛАСС	76
ССОРА С ПАПОЙ	81
БОЛЬНОЕ ГОРЛО	83
УМЕНИЕ И ЖЕЛАНИЕ ПОМОЧЬ РОДИТЕЛЯМ	85
УМЕНИЕ ТРУДИТЬСЯ ДРУЖНО	86
МОЙ ПЕРВЫЙ ВЗНОС В СЕМЕЙНЫЙ БЮДЖЕТ	88
КАК Я ОСТАЛАСЬ ГОЛОДНОЙ	90
СИЛЬНАЯ ОБИДА	92
НЕОБДУМАННЫЕ ПОСТУПКИ	95
СКРЫТАЯ ЛЮБОВЬ РОДИТЕЛЕЙ	98
ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ	100
ГЛАВА ВТОРАЯ	103
ПЕРВЫЕ ШАГИ ВО ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Моя жизнь
Моя исповедь**

**Галина Соколова-
Оттыгашева**

Редактор Елена Глинских

© Галина Соколова-Оттыгашева, 2018

ISBN 978-5-4490-6371-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВОСПОМИНАНИЯ – ИСПОВЕДЬ

Предисловие

Уважаемые мои читатели! А это, наверное, будут мои родные, близкие, внуки, правнуки, дети моих братьев и сестер, знакомые, соседи. Я хочу поделиться с вами своими воспоминаниями. Это моя исповедь, мое покаяние, воспоминания моего детства, моей жизни, краткая история жизни моих родителей. Немного коснусь жизни сестер и братьев. Напишу о детях, внуках и правнуках.

Еще мне хочется исполнить просьбу своей мамы: «Галина, написала бы ты книгу о нашей семье. Когда ты говоришь тебя так интересно слушать» – сказала мама. Мы с ней говорили о жизни ее родителей, братьев и сестер. Я начала писать книгу в 80х годах, но жизненные обстоятельства сложились так, что было много более важных и нужных, порой горестных дел и написание отложилось на неопределенное время. А сейчас, находясь вдали от своих родных, живу воспоминаниями. Решила, что пора написать книгу о нашей большой, дружной семье и исполнить мамину просьбу.

Были сомнения: сумею ли? Спасибо моей племяннице Елене Бутаковой-Глинских за то, что она сумела меня убедить написать книгу, за помощь в её редактировании и из-

дании.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О СЕМЬЕ О ДЕТСТВЕ, О ШКОЛЕ

*Родительский дом начало начал,
Ты в жизни моей надежный причал»
М. Рябинин*

СЕМЬЯ ПАПЫ

Начну рассказ с семьи моего отца – Соколова Алексея Григорьевича. Родился он 30 марта 1906 года в большой семье. Мама Арина, отец Григорий. Жили они небогато, но и небедно. Если в хозяйстве была корова – это уже хорошо, а если еще и лошадь – значит хозяйство крепкое. Любили переезжать с место на место, вернее сказать из деревни в деревню. В хозяйстве были лошадь и корова. Запрягут лошадь, посадят семь своих детей, привяжут к телеге корову – так они кочевали, в основном по Новосибирской области. Детей звали Анна, Алексей, Кристина, Павел, Лукьян, Иван и Агафья. Последней остановкой их стал небольшой поселок Большие Тайлы. Дети росли, учились в церковно-приходской школе, но переезды не позволили им окончить ее. Главное научились читать и писать. Занимались земледелием, пахали на своей собственной лошади. Развели хозяйство, построили избу. Крепко основались на земле и о других переездах уже не помышляли.

Дети выросли. Первой вылетела из гнезда Анна. Вышла замуж за Степана. Детей у них не было. Затем женился Алексей – наш папа, на Анастасии. У них родились дети Александр и Нина. Неожиданно для всей семьи, когда Нина была еще маленькой, Степан – муж Анны и Анастасия – жена папы, взяв младшую дочь Нину «сбежали» в неизвестном на-

правлении. Саша – старший сын Алексея и Анастасии остался жить с отцом.

В 1937 году Алексей взял в жены Колпакову Ульяну Даниловну. В этом браке я и родилась.

Следующей вышла замуж Кристина за Василия. У них родились дочь Мария и сын Анатолий. Василий погиб в первые дни Великой Отечественной Войны. На фронт забрали Лукьяна и Павла. Получив похоронки о гибели сыновей, бабушку Арину парализовало. В 1945 году ее не стало. В основном я пишу со слов мамы, отец об этом вспоминать не хотел. Как складывалась жизнь Григория Соколова мне неизвестно. Родители и тети о нём никогда не рассказывали, а я, к своему сожалению, не интересовалась, когда было у кого спросить.

Младший сын Иван был с детства инвалидом. В младенчестве при падении он повредил позвоночник. Ходить мог с большим трудом, как говорят «по стенке». После смерти матери он стал жить то у старшей сестры Анны, то у брата Алексея. Агафья же после войны вышла замуж за Исаулова Алексея. Родилось у них пять детей: Валентина, Александр, Евдокия, Владимир, Надежда. После переезда моих родителей в Казахстан, они тоже переехали к ним.

Так по-разному складывались судьбы детей Соколовых Арины и Григория.

СЕМЬЯ МАМЫ

Мама родилась 17 декабря 1914 года. В семье Колпакова Данилы Корниловича и Агафьи Терентьевны в Алтайском крае, поселение Тальменка, на реке Чумыш. В реке водилось много разной рыбы, больше всего было налима. Рыба вкусная, жирная, крупная, почти без костей. Родители ее вялили, сушили и солили. Из этой рыбы бабушка Агафья стряпала вкусные пироги. Мама рассказывала, что они даже ездили ловить рыбу на Телецкое озеро. Рыбы в озере было много. На зиму рыбу засаливали в бочках и вялили.

Недалеко от них располагался большой железнодорожный узел Усть-Тальменка, на границе с Западной Сибирью. Мама описывала эти места красотой природы, разнообразием трав и цветов. Данила Корнилович был зажиточный крестьянин, имел свою пахотную землю. Была своя большая изба с и огородом. Выращивали овощи и ягоды. Имели свою пасеку, качали мед, продавали, этим жили. Было у них шесть детей: Афанасий, Максим, Софья, Владимир, Ульяна и Трофим. Дети учились в церковно-приходской школе и помогали родителям работать на земле. Сеяли овес, пшеницу, рожь, лен. В хозяйстве было две лошади, коровы, овцы, куры.

Когда подросли старшие Афанасий и Максим, стали заниматься охотой, рыбалкой и работать в бригаде по добыче золота (на мытье золота). Младшие дети помогали по хозяй-

ству. Дочь Софья была обучена шитью, вязанию, вышиванию. В доме был ткацкий станок. Выращенный своими руками лен обрабатывали и ткали полотно, из которого шили белье и одежду. Дед Данила был очень суровым. Детей он держал в строгости, воспитывал в них добросовестное отношение к труду, учил честности и справедливости. Сам отдавал себя труду без остатка и этому же приучал детей. Роста был он среднего, крепкого телосложения с густой длинной бородой. Был немногословен, в станице его уважали и приходили к нему за советом.

Софья рано начал зарабатывать для семьи деньги своим рукоделием. Ее приглашали богатые семьи для шитья одежды, вязания и вышивания. Бабушка Агафья Терентьевна была маленького роста, ласковая, гостеприимная. Вся семья и все хозяйство держалось на ее хрупких плечах. Ульяна пошла в школу в восемь лет, но не окончила и одного класса. Было очень тревожное время. Позднее мы, дети, обучали ее чтению и письму.

Перед революцией дед успел еще прикупить пару лошадей и одну корову. Хозяйство стало крепким. Но когда стали создаваться колхозы у крепких хозяев стали забирать лошадей, скот, землю. У деда забрали еще и часть пасеки. Перед тем как стали забирать всё из хозяйства, дед успел закопать два мешка зерна для будущего урожая. Кто-то на него донес. Зерно забрали, а тятю (раньше отца звали тятя) высекли прилюдно на площади нагайкой. Уважаемый в стани-

це человек был опозорен перед людьми и перед семьей. «Ночью отец запряг последнюю лошадь, привязал оставшуюся корову, поставил сундук в телегу с пожитками, забрал всю семью и мы уехали в глушь» – рассказывала мама. Переехали они в Новосибирскую область Маслянинский район, Егорьевский сельский совет, заимка Киновороть. Купили избу и стали заниматься земледелием. Сеяли так же пшеницу, овес, лен, просо и занимались охотой. Софья поехала на заработки в Егорьевск, устроилась в пошивочную мастерскую, работала закройщицей и швеей. Старшие братья вступили в комсомол и устроились в государственную бригаду по добыче золота. Обзавелись семьями. Афанасий Колпаков взял в жены Марфу. Построили свою избу, у них родилось четверо детей: Николай, Елена, Федор и Валентина. В первый год войны Афанасия призвали на фронт, и он погиб. Марфа осталась одна с четырьмя детьми.

Максим Колпаков женился на Клавдии. Уехали жить на Большие Тайлы. У них родилось четверо детей: Николай, Зоя, Нина и Лида. Прожили они вместе более пятидесяти лет.

Владимир Колпаков взял в жены девушку из старообрядческой семьи – Надежду. У них родилось шестеро детей: Августа – мы звали ее Гутя, Ксения – Сима, Геннадий, Ольга, Георгий, Нина, Витя и Рая. Семья была очень дружная, гостеприимная. Мы в детстве любили бывать у них в гостях. Дети крепко дружили между собой и никогда не ссорились.

Общаемся и сейчас.

Софья Колпакова вышла замуж за военного офицера Панькова Николая Ивановича. Его родители жили рядом с Колпаковыми на заимке. Когда началась война, Николай Паньков ушел на фронт. Погиб в самые первые месяцы. Детей у Софьи не было.

Мама Уля и мама Соня. 30-е годы

Трофим Колпаков женился на Анастасии за два года до начала войны. В 1941 году у них родился сын Виктор,

а в 1942 – Мария. На фронт его взяли в 1942 году. С фронта он вернулся с ранением в 1946 году. И у них родилось еще четверо детей. Виталий умер молодым от сахарного диабета, Маша к нам приезжала в гости в девяностые годы. После возвращения с фронта дядя Трофим устроился на работу в лесничество – лесником. Ему отвели для охраны участок. Построили хороший дом. Это место называлось кордон. Дядя Володя и мама дали ему несколько ульев пчел. Он начал разводить пчел и получилась большая пасека. Мы с мамой Соней ходили к ним часто пешком, почти километров восемь. А когда в медовый спас он качал мед – это был праздник. А мы в эти дни были у них. Все фляги, баки наполнялись медом и на столе стояли тазы, полные нарезанных сот. Вся семья дяди Трофима и гости за столом пили фруктовый чай с медом, сотами и пышными булочками, испеченными тетей Настасьей. Домой нам давали мед и соты. Когда получили похоронку о смерти старшего сына Афанасия, дедушка Данила, крепкий по жизни, долго болел и умер, не дождав-шись окончания войны. Бабушка Агафья, братья и сестры, помогали семье старшего сына. После смерти деда, бабушка жила у дяди Володи и у мамы, помогая нянчить детей. Постепенно она начала слепнуть от пережитых потрясений и уже когда, ей было около 60 лет, ослепла совсем. Мамин брат Владимир работал в бригаде Алексея Григорьевича Соколова по поиску и добыче золота. Володя и познакомил его с младшей сестрой Ульяной. Ей было 23 года. Вскоре они

поженились.

После женитьбы отца и мамы, дяде Володе была построена новая изба, в которой стали жить его семья и бабушка с бабушкой. Старую избу отдали моим родителям. Изба была теплая, светлая, состояла из одной большой комнаты, в которой была русская печь, полати, деревянная кровать во всю стену, обеденный стол, две широкие лавки, несколько табуреток и огромных размеров сундук. Около печи всегда стоял пучок крепко связанных лучин, которые зажигали на ночь. Зажженная лучина крепилась на крюк, вбитый в стене. Около печи стояли ухваты, печная лопата и много разных размеров чугунков. На полках были расставлены глиняные горшки. Стол был всегда чист и накрыт белой льняной скатертью. Запрещено было крошки хлеба сбрасывать на пол, их нужно было собрать в ладошку и съесть, чтобы не накликать нищету на семью, так говорила мама. Запрещено было, чтобы на столе оставался лежать нож, дабы не было в доме беды, так говорил отец. При входе в избу были большие сени, где стояли лари с мукой, крупами и зерном. Двор был накрыт полностью. Во дворе держали корову, десяток овец и десятка два кур. Мама с отцом жили в достатке. Родители приучили маму к экономии и порядку. В сенях весели круги колбасы, стояли фляги с медом. В погребе стояли бочки с грибами, квашеной капустой, огурцами. Сусеки были заполнены картошкой, свеклой, морковкой, репой. На чердаке хранились сушеные ягоды, из которых зимой стряпали вкуснейшие пи-

роги. В старой избе прожили года четыре.

СЕМЬЯ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ

В 1938 году у мамы родились близнецы. Детки родились очень слабыми и умерли, прожив несколько дней. В 1939 году 30 марта, в день рождение отца, родилась Рая. Она тоже была очень слабым ребенком, все боялись, что она не выживет. Отец днями и ночами проводил время около люльки, потому что мама после рождения Раи сильно заболела. Уже были зажжены около Раи церковные свечи. Но, наверное, благодаря молитвам бабушки Агафьи, воле и силе любви отца, Рая задышала и пошла на поправку. С тех пор Рая стала любимицей мамы и отца. Все лучшее было для неё. Ей никогда ни в чем не отказывали. В 1940 году 28 апреля утром воскресного Пасхального дня родилась я. Уже более крепким здоровым ребенком. Но отца огорчало, что опять родилась девочка. 4 апреля 1942 года родилась еще одна девочка Валентина, что тоже мало радовало отца. В 1944 году родился мальчик Витя красивый, здоровый, крепкий, но не прожил и года, умер в эпидемию черной оспы. Нас было уже четверо детей, однако заразился только Виталий. В 1945 родилась дочь Любава, в 1947 – Нина, в 1959 – Валерий, в 1950 – Виталий и в 1952 – Мария.

Роды Любы принимала бабушка, потому что был месяц май, река разлилась, мосты были снесены. После родов прошло дней пять-шесть и мама пошла в гости к дяде Володе.

Жили они недалеко друг от друга, увидела, что ее брат один таскает большие бревна, решила ему помочь. Только приподняла тяжесть, у мамы выпала матка, покормив детей, она пешком, бродом через реку, пошла в Егорьевск в больницу. Акушер, посмотрев ее, решила, что мама сделала аборт, пригрозила, если ты сейчас не уйдешь, я вызову милиционера. В те годы за аборт могли посадить в тюрьму. Объяснение мамы акушерка слушать не стала. Мама испугалась и пошла домой. Придя домой, покормила детей, оставила с детьми брата Сашу и няньку Елену и пешком пошла к бабушке, которая принимала у мамы роды. Нужно было пройти 6—7 километров. Бабушка маме помогла. Матку вправила. Предупредила, что нельзя поднимать тяжести. Здоровье мамы поправилось. И мама, после этого случая родила Нину, Валеру, Виталия и Марию, но уже в больнице.

Детей стало много, места в избе для всех уже не хватало и рядом со старой избой построили дом. Он был выше избы, просторнее, с большими, светлыми окнами. Состоял из огромной комнаты, вместительной кухни с русской печью, кладовой и сеней. Окна дома выходили на тропинку, которая вела через реку и крутому холму в сторону Егорьевска. Из окна мы могли видеть приближающихся людей, более чем за два километра. Это нам помогло во время войны увидеть приближающихся объездчиков, которые ездили по селам и заимкам, собирали, вернее, забирали, продукты: зерно, мед, все съестные запасы. Объясняли это тем, что про-

дукты нужны для фронта. Увидев приближающихся объездчиков, мама с братом Александром успевали увести со двора корову и овец. Прятали из дома кожу, шкуры, шерсть. Если что-то не успевали спрятать – объездчики забирали все. Это я пишу со слов мамы.

КАК СПАСЛИ ТЕТЮ СОНЮ

Хорошая видимость из окна помогла нам спасти от смерти тетю Соню. Заметив, что к нам идут гости, брат Саша сказал, что это, наверное, идет тетя Соня. Они ждали, но она не появлялась. Мама послала Сашу сбежать узнать, что случилось. Он побежал и нашел её лежащей на земле. Она лежала опухшая и не могла говорить. Брат вернулся за помощью, и они с мамой и соседом дядей Ваней принесли тетю Соню домой. Мама поняла, что ее укусила змея. Недалеко от нас жили старики Исаевы, у которых был спиртовой настой змей. Немного облегчили состояние, а потом увезли в Егорьевск в больницу. Там ей помогли змеиными противоядиями. Она выздоровела. После больницы она рассказала: шла в гости, день был солнечный жаркий, она пожалела свои туфли, сняла их и пошла босая. Шла веселая, счастливая, пела песни. И вдруг наступила на что-то мягкое. Когда опустила голову, увидела, что по тропинке ползет гадюка. Змея успела укусить ее в большой палец ноги. Пройдя несколько метров, она поняла, что ноги ее не слушаются, они стали отекать. Язык не двигался, чтобы позвать на помощь. Вот так нам видимость из окна помогла спасти родную тетку.

КРАСОТА РОДНОГО КРАЯ

Хочу описать красоту моего родного края, где мы родились и провели свое детство. Прожив столько лет, я не видела больше красивее места. Наша заимка Киновороть находилась в низине. С одной стороны, огромные могучие ели, с широкими лапами и большими шишками, стволы шириной в несколько охватов. Здесь начиналась Сибирская Тайга. В этой тайге, на небольшой поляне, были похоронены дед Данила и маленький Витя. Мама водила нас на это кладбище. С другой стороны, наша красивая река Суенга. Она небольшая, но в весенние полноводие разливалась на несколько километров, заливая всю пойму, снося мосты. И тогда мы не могли никуда выехать, поэтому старались продукты заготовливать заранее. Из-за разлива Суенги, мое рождение в апреле смогли зарегистрировать только в начале июля, когда река вошла в свое русло и был восстановлен мост. В такую же ситуацию попали родители и с другими детьми, рожденными весной. В этой реке мы купались, ловили рыбу. В пойме реки были заросли черемухи, смородины. На побережье росли калина, рябина. Ветки с плодами мы ломали по осени, связывали в пучки и подвешивали под карниз. После первых морозов ягоды становились сладкими, и мы их ели, а калину мама парила в чугунках в печи, зимой мы ее ели с медом и молоком. Так же мама готовила и ре-

пу, которую мы ели с медом. В пойме мы собирали ведрами смородину, малину и черемуху. Зимой мама из молотой черемухи стряпала вкусные пирожки, а из ягод заваривали чай.

Третья сторона нашей заимки – луга, где родители пахали и копали землю, сеяли просо, пшеницу, овес и рожь небольшими делянками. Сажали много гороха, также целая поляна, соток десять, была засеяна маком. Мак мама варила в молоке и стряпала пирожки с маковой начинкой. На этих же лугах мы заготавливали сено для скота. Много сеяли льна, который выделывали сами, пряли из него, ткали на своем станке, установленном в большой комнате. Потом это домотканое полотно вымачивали и отбеливали на солнце. Оно становилось мягким, белым, из него шили одежду.

Четвертая сторона нашей заимки – это холмы и горы. Невысокие, но каменистые. Там было очень много змей. Эти змеи расползались летом. Заползали даже к нам на крыльцо и, свернувшись колечком грелись на солнышке. Часто, увидев эти колечки на крыльце, мы звали на помощь маму. Мама придет, что-то пошепчет и змеи уползали. Однажды мы собирали лесную клубнику и увидели много змей. С нами была мама, мы крикнули её на помощь. Она сказала, стойте и не двигайтесь. Когда мама подошла к нам, змеи уползли. Так живя среди такого большого количества змей, они нас не кусали, кроме случая с тетей Соней.

КАК МОЕЙ МАМОЙ СТАЛА ТЕТЯ СОНЯ

Мне уже было два года. К тому времени родилась Валя. Пришла в гости тетя Соня. Она часто к нам ходила. Они с мамой поговорили, попили чай. Мама ушла во двор управлять-ся и доить корову. Когда вернулась, то услышала, громкий плач Раи. Она плакала и причитала:

– Нет у меня больше сестрички Гали! – Мама увидела, что Сони дома нет, нет и меня.

– Рая, что случилось?

– Тетя Соня забрала Галю и унесла с собой – ответила Рая. С трудом прожив ночь, рассказывала мама, утром оставив Раю и маленькую Валу на Сашу, пошла в Егорьевск. До Егорьевска было семь километров. Тетя Соня плакала и упрашивала меня забирать меня от нее. И мама, пожалев сестру, что у нее нет детей, оставила меня. Я начала часто болеть, это говорило о том, что я сильно переживаю разлуку с мамой. Тетю Соню я стала называть мамой. Жили мы в большом доме, у меня была своя комната. Мои кровати (их было две) были застелены кружевными покрывалами. Мама Соня была одной из лучших портних Егорьевска. Ее работами были украшены почти все дома Егорьевска. Даже директор школы заказывал у нее много вязанных и вышитых изделий для дома и семьи.

По тем временам нас одевали очень хорошо. Мы носили шубки, которые сейчас называют дубленками. Ходили в хромовых сапогах. Шкуры овчины, телячью кожу все выделывала сама мама, дубила, мяла. Потом нанимали сапожников, они снимали мерки и шили нам сапожки. Валенки-катанки «валяли» дома. Мама нанимала мастеров, которые делали валенки нам по ноге в жарко натопленной бане. Всю одежду шила мама Соня и обшивала всех родственников.

Ребенком я росла шаловливым, большой выдумщицей, заводилой, со стремлением покомандовать, сильной сладко-ежкой. Я очень любила свою родную маму, скучала и много плакала из-за того, что её не было рядом. Когда я сильно скучала, меня увозили на заимку. Это были счастливые дни.

Я с мамой Соней. Мне 4 года.

БАБУШКА АГАФЬЯ

Помню как бабушка, когда была зрячей, учила нас собирать лечебные травы. О каждой травинке рассказывала очень подробно. Каждая трава заготавливалась в определенное время суток. Одну нужно было собирать до росы, другую после росы, а какую и на закате солнца. Пучки трав связывали и сушили под карнизом. Бабушка лечила свою семью и помогала людям. Мама тоже была травницей. У них шло это из поколения в поколение. Все это передалось и нам. Когда мы были маленькими, мама не обращалась к врачам. Лечила нас травами с медом. Натрёт мазями, напоит травками с медом и на печку. Нину садила даже в приостывшую печь. Да и до больницы было далеко, а дома детей мал-мала меньше.

Вечерами бабушка Агафья садилась на теплую печь в окружении внучат и учила нас молитвам, рассказывала русские народные сказки, притчи. Бабушка Агафья умела рассказывать интересно, дети слушали, затаив дыхание. Были не только мои родные братья и сестры, но и дети дяди Володи – Августа, Ксения и Геннадий. Бабушку все любили. Она никогда ни на кого не повысила голос, и боже упаси, если бы она кого-то из детей ударила. Когда мы стали старше, начала нас учить вязать на спицах из шерстяной пряжи, а еще приходилось вязать и из льняной нити. Если она плохо

была вычесана, то при вязании колола больно пальцы. А вязали мы лямки для вещмешка, в который мама складывала для отца продукты, когда он уезжал в экспедицию по поиску золота. Отец уезжал на полтора-два месяца, а то и больше. И с каждым его приездом мы вязали ему новые лямки. Рая больше вышивала, а я вязала крючком и на спицах.

НАШИ БУДНИ

Дома мама одна справлялась с хозяйством и детьми, правда незаменимыми помощниками был брат Александр и двоюродная сестра Елена – дочь погибшего на войне дяди Афанасия. Они жили очень бедно. Мама и дядя Володя, чем могли помогали. Помимо скота и огородов, много времени отнимала пасека. Она осталась после смерти деда Данилы. Когда мама качала мед, мы стояли вокруг бочки и ждали, когда нам дадут его поесть. Нам наливали полный ковш и заставляли есть, пока мы не съедим весь мед в ковше. Наверное, чтобы отбить желание часто просить его. А потом нарезали полные тазы сот и все родственники, собравшиеся у мамы, пили фруктовый чай с медом и сотами.

Вечерами, уставшие от тяжелой дневной работы, затопив печь, накормив детей, к нам приходили баба Агафья, тетя Надя, тетя Марфа и соседи Паньковы, пряли шерсть или лен. У мамы была механическая прялка, а некоторые пряли на пряхе, на веретено. Дети без работы не оставались: тербили шерсть или чесали лен. Работая все пели. Это было так интересно слушать. Пели красиво, слаженно, один запевал, другие подтягивали. Мама любила петь и пела всю жизнь, когда занималась любой работой. Отец тоже пел очень хорошо, брат любил петь. Вечера проводили под зажженные лучины, от печи шло тепло и свет. Поздно вечером все расхо-

дились по домам. А утром все дети и взрослые принимались за работу. Дети пололи и поливали огород, пасли скот.

Было время и для игр. Тогда мы поступали под руководство старшего брата. Он был за нас в ответе. В праздничные и воскресные дни приходили старшие дети из Малых и Больших Тайлов, двоюродные братья и сестры. Играли в бабки и в битую. Интересная игра была для старших, а для младших детей – борьба за знамя. Старшие дети строили качели и качали младших детей. Все были рады, веселы и счастливы, хоть время было военное.

Заканчивалось лето и меня опять увозили в Егорьевск, и опять не обходилось без слез. Мама Соня говорила: «Сколько волка не корми – все в лес глядит».

ЖИЗНЬ В НОВОЙ СЕМЬЕ

Муж мамы Сони Паньков Николай Иванович погиб на фронте, в первые годы войны. Мама Соня жила одна. В 1945 году она вышла замуж за Туева Сергея Федоровича. Он был старше ее лет на пятнадцать. Меня он полюбил как родную. Был со мной ласков и внимателен. Часто баловал меня сладостями. Работал экспедитором по перевозке золота, которое намывали сначала вручную, а потом драгой (большой плавучий дом). Возил золото в Салаир, сейчас это Новокузнецк. Это километров за 200 от Егорьевска. Возили гужевым транспортом, а возвращались нагруженные продуктами, которые поставлялись на продовольственную базу, а потом поступали в магазины. С поездки Сергей Федорович привозил для меня сладости и даже яблоки – алма-атинский апорт. Зимой он яблоки вез за пазухой, чтобы не замерзли.

Однажды с ним поехала мама Соня и взяла меня с собой. Ехали мы очень долго, несколько дней и ночей. Вечерами разводили костры, готовили пищу. Обоз состоял из 15—20 телег. Поужинав, все собирались у костра, пели песни, много шутили. Спали на соломе. Салаир был большим городом с высокими домами и широкими улицами. Мы с мамой Соней пошли в магазин. Меня поставили на прилавок померить ботиночки, они были такие красивые, беленькие. Помимо ботиночек мне купили шляпку. Потом мы ели первое

в моей жизни мороженное, которое было очень сладким.

Приехав домой, мы пошли в гости к тете Таисии, двоюродной сестре мамы Сони. Они очень хорошо, по-родственному относились друг к другу. Я бежала в новеньких ботиночках, прыгала, радовалась. Бежала не по тропинке, а по росистой травке. Ботиночки мои промокли и потемнели. Мне конечно, попало по первое число, но тетя Таисия успокоила. Протерла мои ботиночки, просушила. Они приняли прежний вид. Я была наказана зря.

Когда мне исполнилось 6 лет, моему любопытству не было предела. Меня всегда удивляло, как же это горит электрическая лампочка. Решила проверить, поставила стул, на него маленький стульчик, взяла алюминиевую ложку, вскарабкалась на стулья и в патрон сунула ложку. Что было дальше не помню. Только лежала на кровати, а вокруг меня стояли взрослые. Наверное, Богу было угодно, чтобы я осталась жива.

На этом мое любопытство не заканчивается. Мне очень нравилось наблюдать за тем, как Сергей Федорович курит. Мне нравился запах табака. Однажды, когда мама Соня и Сергей Федорович ушли в свою комнату, я начала свой эксперимент. Взяла бумагу и кiset с табаком, свернула папиросу и как Сергей Федорович, решила прикурить от уголька в печи. Папироса горит, но пока я усаживалась на стул, закинув ногу на ногу, так делал Сергей Федорович, папироса погасла. Я пошла снова, поджигать папиросу от уголька. Эту

процедуру я повторяла несколько раз. Дверца от печи очень стучала. Я так увлеклась, что не видела, как за мной наблюдали, мама Соня и Сергей Федорович. Вдруг услышала слова мамы Сони: «Накажи её Сергей Федорович».

Очнулась я от испуга и боли, приложенного к моему телу ремня. От страха у меня поднялась высокая температура. Я пролежала в постели несколько дней. Ждала маму, знала, что она меня пожалеет и мне станет легче. И мама пришла. Я узнала ее по голосу, доносившемуся из кухни. Но мама ко мне не подошла. Она, как всегда, спешила. А может, ей и не сказали, что я давно болею. После ухода мамы, я много плакала, слезы лились по щекам ручьем, подушка была мокрой. Но об этом знала только я.

Я почему-то всегда была голодной. Мне всегда хотелось кушать, особенно сладостей. Однажды мама Соня купила кругленьких конфет, угостила меня, а остальные спрятала. Стоило ей только уйти по делам, я стала искать конфеты и нашла в шкафчике. Взяла конфетку в рот, и вошла мама Соня. Конфетку я от неожиданности и испуга проглотила, и громко заплакав, сказала: «Я скоро умру». Мама Соня поняла, в чем дело. Отчитала меня и громко смеясь, рассказала все Сергею Федоровичу.

А еще я искала мед, спрятанный от меня, а нашла бутылку с керосином. Так спешила, что не поняла в какой бутылке мед и вместо меда, попила керосин.

Моим любимым занятием было лазить по деревьям. В ре-

зультате была порвана одежда, а зимой и варежки. За что попадало по первое число. Когда мне было пять-шесть лет, брат Саша стал брать меня в клуб. Там молодежь готовила концертные номера. Саша был умелым организатором. Сам хорошо пел, играл на гармошке и на балалайке. Ему было 16—17 лет, уже комсомолец. Я на сцене читала стихи, пела песни, участвовала в гимнастических номерах, делала мостик, колесо, а еще взрослые ребята подбрасывали меня на самую высоту построенной пирамиды, откуда я махала флажком.

ПЕРВЫЙ КЛАСС

Сестру Раю в 7 лет записали в первый класс. Мне исполнилось шесть. Я умела читать, была записана в библиотеку, в которой брала книги для чтения. Никому ничего не сказав, я пошла и сама записалась в первый класс. Под именем Туева Галина Сергеевна. Документы у меня никто не спросил. А в свидетельстве о рождении я Соколова Галина Алексеевна. С этой фамилией я проучилась до пятого класса, когда меня родители забрали домой.

Училась я добросовестно. В моих тетрадях был порядок. До десятого класса уроки начинались с показа моей тетради. Какой порядок, как начерчены фигуры по геометрии, все было выделено разноцветными карандашами. Подчерк был красивый, учительский. Учение давалось труднее, чем Рае. Она училась отлично, за что получала грамоты и подарки от школы.

ПРО ЭСТОНЦА

В 1946 году к нам в село привезли большую группу эстонцев. Они были сосланы в Сибирь за неподчинение советской власти и за то, что помогали немцам во время войны. Комсомольцам дали задание организовать концерт. К нам пришли старшекласники, попросили разрешение у мамы Сони взять меня для участия в этом мероприятии. Концерт показывали на площади. Все участники очень старались. Зрителями были не только приезжие, но и местное население. Но эстонцам было не до веселья. Они были уставшими, наверное, голодными и злыми. Аплодисментов мы от них не слышали. Пока шел концерт, в сельском совете решали, по каким квартирам расселить приезжих.

К маме Соне поселили молодого эстонца, под два метра ростом, ученика десятого класса. Звали квартиранта Рейн. По-русски он говорил плохо, но все понимал. Было видно, как ему плохо и как он всех нас ненавидит. Кушал он очень громко, пользовался ароматным мылом и зубной щеткой. Ходил он всегда в белой рубашке. Когда он кушал, от его пищи исходил такой сильный аромат специй. А мы, кроме лаврового листа, перца и аниса ничего не знали. Он вещи стирал душистым мылом, а мы стирали золой. Зубы мы начинали чистить, когда пошли в школу. Меня он очень невзлюбил. Всегда старался ударить или толкнуть. Может и было за что.

Однажды он, громко чавкая, поел тушеное мясо кусочками с ароматными специями. Я сидела вдали и глотала слюну. Поев он закрыл и убрал банку, погрозил мне большим пальцем, что бы я ничего не трогала и ушел в школу. Только он ушел, я достала его банку и съела всего один кусочек. Это было так вкусно. Закрыла баночку и убрала. Придя из школы, он сел кушать и громко чавкая, поманил меня пальцем. Я как мышь, медленно со страхом шла к нему, как к удаву. Повернув мое ухо, ткнул меня в банку:

– Зачем брала?

Я пропищала:

– Не трогала я.

Он показал на ямку в банке с мясом. Я поняла, что он заметил.

– Я точно съела только один кусочек.

Мамы Сони дома не было. Он снял ремень и несколько раз ударил меня. Я заплакала. Он пригрозил мне своим большим кулаком:

– Если пожалуешься, отверну твою башку.

Я испугалась, легла на кровать и тихонько плакала. Начала думать, как же ему отомстить. И придумала.

Его брюки висели на стуле. Я достала из кармана брюк три рубля, а это в то время были большие деньги. И решила спрятать, пусть поищет. Куда я только не прятала, все думала найдет. А потом сообразила, что мне ведь опять попадет. Но вместо того чтобы положить деньги на место, я бросила

их под кровать. Он пришел, как чувствовал, полез в карман своих брюк и как закричит. На крик прибежала мама Соня.

– Что случилось?

Он тычет в меня пальцем и говорит:

– Она украла у меня деньги.

Мама Соня спросила:

– Ты взяла?

– Нет, – ответила я.

Они искали везде, но найти не могли.

– Может под кроватью? – сказала я, чем себя и выдала.

Получила и от Рейна подзатыльник, и ремнем от мамы Со-ни. И так он продолжал за каждую мелочь большим пальцем щелкать мне в лоб, или толкнет, или ударит.

Так закончился год. Я перешла во второй класс, а он закончил десять классов. И куда-то от нас съехал. О его судьбе я не знаю. Сколько же я получила от него щелчков и затрецин – не сосчитать. Может и я была в чем-то виновата. Но я несмышленный ребенок, а он взрослый парень. Бог ему судья.

Эстонские семьи прожили в нашем селе до амнистии. Мы больше узнали друг о друге, отношения изменились. Че-му-то мы учились у них, а они у нас. Некоторые поженились или вышли замуж. Разрешение уехать на родину они получили в 1956—1957 году. Некоторые остались жить в Егорьевске.

В 9—10 классе я тоже училась с эстонцем – Реинсо Рейн. Мы с ним дружили и после его отъезда переписывались еще

года два-три. Хочется отметить, что у них были большие белые зубы. Оказывается, они их чистили туалетным мылом. Все эстонцы, женщины и мужчины были высокого роста.

ВТОРОЙ КЛАСС

Мы с сестрой Раей перешли во второй класс. Очень любили свою учительницу – Никишину Александру Николаевну. Она была невысокого роста, рыжеволосая, с двумя длинными косами. Была к нам внимательна и ласкова. Ходила с нами в гости на заимку. Когда мы шли на заимку, пели песни, разговаривали и любовались природой. А природа у нас очень красивая, я об этом писала. Много полевых цветов, поля цветущего голубого льна, цветущей гречки, колосистой пшеницы, овса и ржи. Сверни немного с тропинки и найдешь грибы. А вдоль тропинки кустарники черемухи, рябины и калины. Утомившись, присели у родника, с прозрачной журчащей холодной водой. Пили пригоршнями, ничего не боялись, никакой заразы. А сколько вокруг летает щебечущих птиц. Слушали кукушку, загадывали свои желания. Когда я пишу эти строки, сердце рвется в наши края, а перед глазами моя любимая, незабываемая Александра Николаевна.

Однажды, когда мы уже жили в Казахстане, мы с сестрой Машей, ездили на свою малую родину. Поездка была вынужденной. Мы собирали утерянные в райсобесе мамины документы для оформления пенсии. В то время трудовых книжек не было. Справки собирали по свидетелям. Объехали всех маминых знакомых, которые жили в разных поселках. За-

ехали к маминной закадычной подруге Фиме, навестили своих двоюродных сестер Елену и Валю. Кругом такая разруха и нищета. В Егорьевске мы прожили три дня. За это время успели сходить за ягодами, за грибами. Домой мы вернулись с документами для мамы и с полными сумками маринованных грибов. Грибы мы собирали с Гутей и Симой, когда по пути заехали в Маслянино. Набрали грибов очень много. Гутя все замариновала и посолила, и еще своих грибочков добавила. Добрая душа, как и ее родители.

Но вернемся в мое детство. На зимних каникулах приехала мама. Она побелила квартиру у мамы Сони, купила продуктов полный мешок. Мама стала собираться домой и одевать Раю, чтобы взять ее домой на время каникул. Я со слезами бросилась к маме, обняла ее, плача говорила: «Мамочка возьми меня с собой». Мама Соня запретила мне идти с мамой. Они между собой поссорились, что было очень редко. Тогда мама Соня поставила меня на порог и спросила:

– К какой маме пойдешь?

Я, конечно, бросилась к маме с сестрой. В это время приехал Сергей Федорович, сказал:

– Ульяна Даниловна, на улице метель, дорогу замело. Я еду в вашу сторону могу подвезти.

– Нет, ты их не повезешь, – сказала мама Соня. Маме нельзя было задерживаться, так как дома были маленькие дети и скот. Сергей Федорович шепнул маме:

– Идите, я вас догоню.

И мы вышли. Ветер действительно сбивал с ног и больно порошил в лицо. Идти было очень трудно. Вскоре нас догнал Сергей Федорович. Мы сели в сани, нас укутали тулупом. Лошади шли с трудом. Дорога была занесена. Мы проехали километра четыре или пять, лошади дальше не пошли. Мама встала, взяла нас. Сергей Федорович сказал:

– Нельзя идти вам, Ульяна Даниловна, с детьми, да еще и с таким грузом. Пропадете в дороге. Вернитесь, а завтра утром я вас отвезу.

Мама решительно пошла вперед, ноги утопали в снегу. Я не знаю, сколько мы прошли, Рая и я стали плакать. Мама сняла одну шаль с себя, укутала Раю, сняла юбку, укутала меня. Мешок с продуктами закопала под кустом в снег. Мы шли, падали и скулили. Тогда мама взяла Раю себе на спину, а меня впереди на руки, и мы шли с передышками. Это трудно и больно представить, но все было так. Дома нас ждали. Брат затопил баню. И из окон они увидели нас, когда мы спускались с пригорка. Шли из последних сил. Боже, какая же сильная была моя мама! Мы уже ничего не чувствовали, нас сразу занесли в баню. Растирали снегом наши замершие руки, лицо, ноги. Крик стоял такой, что баня могла развалиться по бревнышку. Сколько же гордости и любви было в моей маме! Это не забывается. После каникул мы с сестрой снова вернулись к маме Соне.

СЛУЧАЙ С РАЕЙ

В свободное от учебы время мы с сестрой вязали, вышивали. У меня лучше получалось вязание, а у сестры вышивание. Сделав задание, данное мамой Соней, нам разрешали сходить погулять-поиграть. Тогда собиралась полная ватага детей и мы играли в снежки, в прятки. Играя в прятки, мы залазили на чердак, на сеновал. И вдруг сестра провалилась через соломенную крышу и упала прямо на рога коровы. Корова Зорька у мамы Сони была большая, рогатая давала много молока и всегда бодалась. Сестра проткнула рогом ногу под коленкой. Пока на крик прибежали, сестра все время сидела на голове у коровы, корова металась, пытаясь ее сбросить. Раю вынесли всю в крови, синяках и ссадинах. Унесли в больницу, где зашивали ей рану. И она пролежала там около месяца.

ДЕТСКИЕ БУДНИ

Дети подрастали. Стало много школьников. Первым с заимки в Егорьевск уехал дядя Володя с семьей. Мама Соня уступила ему половину своего дома. Кое-что перестроили, сделали отдельный вход. С семьей дяди Володи переехала и баба Агафья. Она была уже совсем слепая, совсем высохшая, мало говорила и тихонько плакала. Наверное, очень скучала по деду Даниле и оплакивала своего погибшего сына Афанасия. Ничего не просила, ничего не требовала. Как-то мы с Раей хотели ее угостить конфетами, а она не брала. Тогда мы вложили ей в одну и в другую руку по конфетке. Вечером, когда тетя Надя, пошла покормить бабушку, она была уже холодной. В ее руках были зажаты подтаявшие конфеты. От одной она успела немного откусить. Наша любимая бабушка ушла тихо, как и жила. Умница, рукодельница, всеми любимая и уважаемая. Вечная ей память.

Позднее мама с отцом тоже купили домик в Егорьевске. Низенький, он состоял из большой комнаты, около 25 квадратных, большой кухни с русской печью, сеней и кладовой. Был большой огород, соток двадцать. Но половина его была заболочена и заросшая травой. Сколько же было приложено труда, чтобы осушить болото, повыдергать корни осоки, удобрить и уже года через два получать большой урожай. Построили баньку. Оборудовали хлев для скота. Все накры-

ли общей крышей. Зимой двор не заносило снегом. Позднее, так же накрывала Валя свой двор, а потом и Нина. За порядком во дворе следил отец. Работать он устроился на конный двор, так как в экспедиции ездить ему было уже трудно. Да и маме, оставаясь с детьми, а их было уже шесть, нелегко.

В школу ходить далеко. С одного конца села до другого более двух километров. Весной река Суенга разливалась так, что сносило мосты. Детей в школу перевозили на лодках. Во время половодья погибало много людей. Большие льдины переворачивали лодки.

Однажды шли люди с одного берега на другой по подвесному мосту, накатила большая волна с огромной льдиной, мост сорвало, все люди погибли. Помочь им никто не мог, они сразу ушли под лед. В летние дни ширина реки была метров двадцать, а в половодье достигала 80—100 метров. Когда река вошла в свое русло, власти построили большой, широкий мост, с красивыми перилами, по которому мы любили гулять.

В детстве у меня было очень много подруг, за мной всегда ходила целая компания. Я могла организовать какую-нибудь игру, младшие и старшие дети меня слушались. Я всегда объявляла, что я директор школы, или заведующая детсада, а иногда и артистка. Что интересно, мы никогда не ссорились и никогда не было драк или разборок. В начальных классах школы мы были октябрятами. В классах постарше – пионерами, а в старших классах – комсомольцами. Каж-

дый имел свое задание. Одни занимались школьным огородом: ухаживали, пололи, поливали. Старшие дети ухаживали за лошадьми, которые числились за школой. В школе имелся большой живой уголок, в котором жили ежи, змеи, лисы, зайцы, кролики, даже рысь. За всем этим ухаживали пионеры под руководством вожатых. Вожатыми были ученики старших классов. Лучшие отряды награждались грамотами и красным переходящим знаменем.

За хорошее учение и отличное поведение нас с Раей направили в пионерский лагерь, выделив бесплатные путевки. Лагерь находился под Салаиром. В лагере у нас появилось много друзей. Нас объединяли общие дела и интересы. Устраивали походы, знакомились с жизнью родного края, играли в футбол и волейбол, организовывали концерты.

Хочу отметить, что после войны заметно легче стало жить. Снижались цены на продукты. Товары стали более доступные. Стали появляться одежда и обувь. А какой вкусный пекли у нас хлеб, запах которого чувствовался за несколько километров. Колбаса была настоящая, вкусная, как у нашей мамы. Зарплата была небольшой, но хватало накормить и одеть детей. Отец работал один. С этих же денег мама еще умудрялась делать заначку на крупные покупки. Если в доме заканчивались продукты, мама говорила:

– Дети, подойдите ко мне. У нас заканчивается сахар, крупа, мука. У отца через два дня зарплата, если потерпим – и доставала большую сторублевку из-под клеёнки – купим

кому-нибудь из вас обувь или одежду.

– Потерпим! – хором отвечали дети.

Мама струблевку клала на место, а обещанное всегда выполняла. И нас учила быть экономными.

Все мои младшие братья и сестры ходили в детский сад бесплатно. Это после войны-то. А если в зимние холодные дни не могли пойти в детский сад, кто-то из старших брал посуду и приносил из детского садика бидон борща, кастрюлю котлет, или плова, или еще что-нибудь, бидон компота или киселя, банку повидла или варенья, печенье, булочки, конфеты. Все это было очень вкусно приготовлено, и хватало поесть всей семье. А какие были бесплатные, новогодние подарки. Много конфет и сладостей. Мама могла их растянуть на целый месяц.

ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ДВОЮРОДНОГО БРАТА

Когда родители переехали в Егорьевск, мне всегда хотелось домой. Но мне не разрешали. Было обидно и тяжело.

Семья дяди Володи переезжала в другое село. Ему предложили работу директором маслозавода, который находился в большом селе Суенга, в десяти километрах от Егорьевска. Дали ему большой дом. Дядя Володя приехал за семьей. У них уже было пятеро детей, младший был мальчик Витя, ему было четыре года. Красивый, пухленький, ласковый мальчишка. Его все любили. Он маму Соню тоже звал мамой. Когда семья дяди Володи собралась уезжать, маленький Витя обнял маму Соню, целовал ее и говорил: «Мама я не хочу от тебя уезжать. Хочу остаться с тобой». Но дядя Володя, всегда такой ласковый, добрый, не стал слушать сына. Силой посадил его в телегу, и они поехали. Долго был слышен голос Вити: «Мама заberi меня!».

Мы с мамой стояли и плакали.

В этот же день он умер. А произошло это так.

Тетя Надя пошла топить баню. Витя пошел с ней. Но она была занята. К Вите подошла большая собака. Она его не кусала, а только положила на его плечи свои передние лапы. Когда тетя Надя обернулась, Витя лежал на земле, а над ним стояла большая собака. Он начал чернеть. Дядя Воло-

дя на машине, держа его на руках, повез в районную больницу. Он плакал над ним, но не понял, что сын был уже мертв. У него не выдержало сердечко от страха, как говорили в народе, разрыв сердца. Неужели ребенок в четыре года так сильно мог так сильно испугаться? Горе было большое. Много слез.

Мы, дети, часто ходили к ним в гости пешком 10 километров. Дядя Володя встречал нас всегда с радостью. Водил нас на завод, где показывал, как делают сгущённое молоко, сухое молоко, сливочное масло, творог, сметану и кисломолочные продукты. Щедро угощал. Дядя Володя никогда не делили своих детей и чужих. Он любил всех. Дети отвечали ему тем же. И куда бы он с семьей не переезжал, (а его отправляли туда, где дела шли плохо, он только наведет порядок на одном предприятии, его отправляют на другое место), рядом с ним была всегда его семья и немногословная тетя Надя. Добрая, ласковая, гостеприимная. Они навсегда остались в моей памяти такими. Вечная им память.

Августа и Геннадий умерли давно. С Ксенией и Ниной мы общаемся, иногда встречаемся. Очень хотелось бы увидеть Раю, которая жила у меня и помогала мне нянчить Павлика.

ДЕТСКАЯ НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ И ЛЮБОПЫТСТВО

Хочу рассказать несколько случаев из моего детства.

Мама Соня по делам ездила в Новосибирск. В подарок мне привезла очень красивую гребенку и муфточку, чтобы носить вместо варежек. Волосы у меня были длинные, густые, заплетала я их всегда в две косы. Такой гребенки не было ни у одной моей подруги. Я взяла ее воткнула в волосы и пошла в школу. Когда я вернулась, мама Соня спросила:

– А где гребенка?

Я провела по волосам рукой и вынула маленький огрызок. Когда мне подменили, я и не заметила. Мама Соня была так рассержена, потому что она просила меня не носить ее в школу. А я всегда поступала по-своему. От возмущения и не послушания, мама Соня наказала меня очень жестоко.

Я уже перешла в третий класс. Однажды, пошла в библиотеку, поменять книги, а я очень любила наряжаться. Надела шелковые чулки мамы Сони, а их в то время можно было купить только в Новосибирске, привязала их веревочками выше колен, надела ее туфли на каблучке и счастливая пошла в библиотеку. Туфли большие, спадают с ног. Вошла в библиотеку, туфли шаркают, каблучки стучат. Я думала, что это

красиво. Галина Ермолаевна, увидев меня, строго сказала: «Иди переоденься! Как тебе не стыдно!». Мне действительно стало очень стыдно. Бежала домой, падая. А как досталось от мамы Сони, за порванные чулки – это надо было видеть.

И еще один случай остался в моей памяти. Мама Соня была не только рукодельницей, но и умела ворожить. К ней приходили молоденькие девчонки и просили поворожить, что их ждет в дальнейшем. В канун Нового года пришли молоденькие девчонки, попросили погадать на суженного. Обряд был такой. Нужно было перед зеркалом зажечь свечу, поставить стакан воды и опустить в него обручальное кольцо. В комнате должна быть идеальная тишина. Меня уложили спать. Но мне было так интересно, загадочно и я выглядывала из-под одеяла. Первой села на стул перед зеркалом Валентина Устинова. Нужно было смотреть в стакан с водой, в котором лежало обручальное кольцо. Сидеть нужно тихо и смотреть в самую середину кольца. Была тишина. И вдруг, Валя громко закричала:

– Смотрите-смотрите, это же Сашка Соколов! От крика видение в стакане с водой исчезло, свеча погасла. Остальные девчонки гадали в полной тишине. С моим братом Валя не дружила. Так виделись на танцах и на концертах, которые готовила сельская молодежь. Вскоре они поженились, Валя была старше брата. Жили они в семье Вали. Жили очень плохо. Родилась дочь Надя. Они часто расходились-сходились. Жили вместе пока не подросла Надя.

МОИ ЛЮБИМЫЕ ПОДРУГИ

Еще в моей жизни были не очень приятные события. Я уже писала, что у меня было много друзей и подруг. Примерно с пяти лет и до четвертого класса я дружила с Лорой Дуркиной. Их семья приехала в Егорьевск еще во время войны. Им построили большой дом, который состоял из нескольких комнат. Дом был обнесен оградой, выложенной из крупной, красивой гальки. Весь двор был засажен цветами. Дуркин был начальником золотого прииска. Семья была большая: отец, мама, которая работала в школьной библиотеке, две бабушки, и двое детей: Николай, который учился в десятом классе и девочка Лариса – моя подруга.

Мы часто ходили друг к другу в гости. В их доме меня принимали хорошо, оказывали знаки внимания, часто угощали. В кухне на большом столе, покрытом белой скатертью, всегда стояли вазы с конфетами и фруктами, чего не было у простых людей. Учились мы обе хорошо и были активистками в классе. Когда Лора окончила четвертый класс ее отца перевели на другой прииск. Семья уехала и мы расстались навсегда. Я дорожила дружбой с Ларисой Дудиной. Если бы вы слышали, как она пела! Мне до нее далеко. У нее был такой добрый папа. Когда мне разрешали, остаться у них ночевать, это был праздник. Папа ее так обожал и баловал. По утрам он приносил нам в постель всякие сладости. Их

основным блюдом были пельмени. Они их ели с молоком. Я до сих пор ем пельмени с молоком, в память о дружбе с Ларисой. Какое было бы счастье встретиться с ними. Но, закончив шесть классов, ее семья уехала. В наше село по реке Суенга, двигалась большая драга, это как огромный, двух-трех-этажный дом с большими ковшами. И золото уже добывали не вручную, а драгой. Был отменен гужевой транспорт по доставке золота. На Дубровке, что в пяти километрах от Егорьевска, был построен аэродром. Золото доставляли теперь самолетами в Салаир. Вместо Дуркина приехал начальником прииска Востротин со своей семьей. И жизнь моя резко изменилась.

В семье Востротина было две девочки Лариса и Наташа. Лариса была моей ровесницей. Ей сразу не понравилось, что вокруг меня много друзей и подруг. Она делала все для того, чтобы девочки со мной не дружили. Некоторые от меня отвернулись. Но я все равно не была одинока. Лариса искала случая, чтобы посильнее меня обидеть. Она узнала, что я воспитываюсь у тетки. В четвертом классе мы учили басню Крылова «Две собаки»: «Ну что, Жужутка, как живешь? С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?». Лариса стала меня называть «Жужу» и всех девочек просила меня так называть. Девочки думали, что если я живу у тети, значит, я такая счастливая и довольная и мне ни в чем не отказывают. Никто даже подумать не мог, что я там живу не по своей воле и сколько слез я пролила за эти годы. По имени ме-

ня некоторые девочки не называли. Конечно, подруг у меня было еще много, но этим они третировали меня несколько лет. Бог им судья.

Со мной в детстве приключались разные казусы. Два я запомнила так, что как будто это со мной случилось вчера.

Рядом с нами жили Ашихмины, у них было много детей. Я с ними ходила в школу, да и играли вместе. Однажды я зашла к ним, они всей семей садились за большой обеденный стол. Я села на лавочку, как всегда хотела есть. Они меня иногда угощали. На стол поставили большую сковороду с ароматно пахнущей жареной картошкой. Так хотелось попробовать, но за столом не было места. Я невольно поднесла руку ко рту, продолжая сидеть, а вдруг пригласят. Старший сын Николай, а он учился в 10 классе, встал и громко сказал: «Вы посмотрите на нее, она еще и ногти грызет!». Я никогда в жизни не грызла ногтей, наверное, покраснела от стыда и со слезами выбежала из дома. К ним больше не ходила. Только сейчас понимаю, такая большая семья, им и самим-то порой нечего было есть, а мы жили небедно. У мамы Сони соседи иногда просили очистки от картошки, чтобы поесть. Были трудные, военные и послевоенные годы.

СЕРЕБРЯННАЯ ЛОЖКА

Еще я хочу рассказать об одном, не очень похвальном случае моего детства. Мне было уже восемь лет, родители жили еще на заимке. Гутя и Сима пошли в гости к своим дедушке и бабушке. Они были староверами, жили в поселении (или это скит, я уже не помню). От нашей заимки километров пять-шесть. Был летний, теплый, солнечный день. И мама нам тоже позволила пойти с сестрами. Идти нужно было через лес, по проторенным тропинкам. Нам было весело, мы любили общаться друг с другом и по-теплому относились друг к другу. Дорогой мы пели, шутили, ели ягоды, рвали цветы, плели венки, пили холодную родниковую воду. Дошли играючи и даже не устали. Дом деда Поносова, вернее изба, был низкий, но большой, как все избы в Сибири. С большими сенями и скотным двором. Мы вошли в большую, просторную комнату с большой русской печью и полатями. В комнате стоял большой стол со скамейками вокруг. На стенах висели зажженные лампадки и много икон, горели свечи. В переднем углу был иконостас, горела лампадка. За столом сидел дед, крупный, седой с длинной бородой. Мы вошли, помолились, поклонились и сели у входа на лавочку. Бабушка хлопотала у печи с ухватами и чугунками. Дедушка о чем-то внучат спрашивал. Они робко отвечали. В избе была тишина. Бабушка поставила на стол большую чашку,

налила в нее что-то горячее, наверное, щи. Шел вкусный запах. Нам сразу захотелось есть. Дед взял большую круглую буханку хлеба, приложил ее к груди и стал резать хлеб над столом. Видно было какой хлеб пышный, ароматный. Нарезав, дед собрал крошки и положил их в рот. Бабушка положила на стол ложки. Все ложки были деревянными, расписными. А одна ложка очень блестела, наверное, была серебряная. Я мгновенно сорвалась с места, подбежала к столу, взяла эту блестящую ложку и села на лавку у стола.

– Я буду есть этой ложкой, – смело сказала я. В избе наступила полная тишина.

Дед сурово посмотрел на меня. Я поняла, что поступила неправильно. Заплакала. Дед заулыбался, все тихо начали смеяться. Дед встал на молитву, все перекрестились и сели за стол. Первым начал есть дед, а потом все остальные. У них была большая семья. Мне было стыдно за свой поступок. Расхотелось есть, сидела посапывая, и молчала. Все ели с аппетитом, на меня никто не обращал внимания. Когда мы уходили от них, бабушка сунула мне пирожок:

– Поешь, а то идти далеко, – тихо сказала она.

ЧЕРНИЛЬНИЦА

В третьем классе к нам пришла новая девочка Сталина. Ее семья приехала на прииск из города. Она была одета по-городскому. В ее волосах был большой красивый бант. А что самое интересное, была у нее очень красивая чернильница, называлась непроливашка, как её не положи, чернила не проливаются. А мы носили чернила в бутылочке. Бутылочку ставили в мешочек. Если плохо закроешь бутылочку, то проливались чернила и пачкались книги и тетради. Писали мы ручкой-пером, с которой всегда могла капнуть в тетрадь клякса. Для этого в тетрадях была промокашка. Урок всегда начинался со слов:

– Сели прямо, положили под углом тетрадь, правильно взяли ручку, конец ручки должен смотреть в плечо.

Через каждые пятнадцать минут делали упражнения. В течение урока учительница всегда напоминала:

– Сели прямо. Выпрямили спинки.

Чернильница-непроливашка всем очень понравилась. Всем хотелось ее подержать, потрогать. Сима и Рая меня отозвали и попросили:

– Принеси чернильницу.

Я принесла и отдала ее им. Какой же поднялся шум, слезы, истерика.

– Где моя чернильница? – кричала Сталина и требовала

вернуть ее. Кто-то видел, как я брала чернильницу. Я честно сказала, что она у Симы с Раей лежит в парте. Но сколько же было стыда за необдуманный поступок.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОТЧИЙ ДОМ

Летом 1950 года, по телеграмме уехал мой ласковый и добрый защитник Сергей Федорович. Что-то случилось у его старшей дочери от первого брака Галины Сергеевны. Нужна была его помощь. Он уезжал на несколько дней, но больше в Егорьевск он не вернулся. Очень заболел и там умер. Мама Соня ездила на похороны.

Мое здоровье стало ухудшаться. Часто теряла сознание и еще на руках появилась экзема. Руки мои были покрыты сплошными коростами, и я всегда их прятала под фартук. Что только мама Соня не применяла для лечения, улучшения не было. Она обратилась к нашему старенькому фельдшеру. Он осмотрел меня и сказал:

– Девочка слабая, истощена нервная система. Ей нужно особое внимание и уход.

Фельдшер сделал мазь. И через неделю, мои руки очистились. Экзема не появлялась до моего замужества.

Я уже перешла в пятый класс. Маму Соню попросил набрать смородины начальник прииска. Но год был не урожайный. Мама Соня за целый день набрала полкорзиночки. Принесла и сказала: «Перебери от мусора, но не ешь. Это ягода на заказ». Как только она ушла, ко мне прибежали мои друзья и подруги. Я перебирала ягоду, но не ела, боялась, а ребятам предлагала:

– Угощайтесь!

Как только мама Соня вернулась, дети убежали, а она, увидев, что ягоды совсем мало, рассердилась. Я сказала, что честно не ела, что в ягоде было очень много мусора. Это маму Соню рассердило. Она наподдавала мне и сказала:

– Уходи к своим родителям.

Я вышла в сени и плакала. Я знала, что моя мама тоже будет сердиться на меня. Мама Соня выглянула в сени и закричала:

– Ты все еще здесь!

Бросила мне плюшевую жакетку и вытолкнула меня на улицу. Было уже поздно, вечерело. До мамы было идти километра два-три. Пришла домой, села на лавочку и плачу. Мои сестры окружили меня. Они очень меня любили. Стали кричать:

– Мама, Галя вернулась!

Мама подошла ко мне и сказала:

– Одевайся.

Взяла меня за руку и повела к маме Соне. Я плакала и умоляла маму оставить меня дома, но мама была неумолима. Привела меня, оставила и ушла.

И так стало повторяться часто. Что-то я сделаю не так, мама Соня говорила:

– Уходи к родителям!

И однажды мама сказала:

– Хватит! Оставайся дома!

У меня радости не было конца. Думаю и у моих сестер тоже.

Как-то мама вернулась из магазина. А все магазины были в центре села, где жила мама Соня. А мы жили на окраине. Мама плача рассказала:

– Моя сестра отругала меня прилюдно. Говорила, что она Галину кормила, одевала, обувала, учила, а я поступила нечестно, взяла Галю в работники, а назад её не отдала.

Мама Соня действительно для меня много сделала. Я благодарна ей по сей день. Дальше напишу, как она мне помогала в течение жизни.

Мама очень переживала, что поссорилась с сестрой. Мама Соня не приходила к нам в гости. Я знаю, ей тоже было нелегко и она скучала по мне, ведь она осталась совсем одна. Но случилось так, что ей вообще пришлось уехать из Егорьевска.

А случилось следующее: драга шла по руслу реки Суенга и приближалась к Егорьевску, а река проходит через все село. И вот, драга вошла в село. Я уже раньше писала, что Егорьевск и все села и заимки вдоль реки Суенги находились на золотой жиле. И когда драга проходила, она сносила все подряд. Один из красивых больших домов Егорьевска – дом мамы Сони тоже был сметен. Маме Соне заплатили компенсацию. И она уехала жить в Маслянино – это районный центр в 35 километрах от Егорьевска. На эту компенсацию она сумела купить небольшой домик, уютный, с большим огоро-

дом и красивым палисадником. Дом находился на берегу реки Обь. Это большая полноводная река, по которой ходили пассажирские пароходы.

Жила она одна. Держала небольшое хозяйство. Жила на деньги, заработанные вязанием, вышиванием, шитьем. Особенно много она вязала пуховых шалей. К ней приехала в гости мать ее первого мужа Панькова. Дед Иван у нее умер, родных не было. Бабушка была высокого роста, красивая, всегда с румянцем. Когда мы жили еще на заимке, они были нашими соседями. Мы, дети, любили ходить к ним в гости. Она нас всегда угощала, а когда уходила, она тихонько давала мне в руки шарики – соленый сушеный творог. Прожила она у мамы Сони около года. Потом ее устроили в дом престарелых. Мама Соня ее часто навещала. Бабушка приехала с большим чемоданом, а в нем лежали две-три юбки, пара кофточек и много, много денег, еще керенских.

НОВЫЕ ВЕЯНИЯ

Драга, проходя по руслу реки, снесла наш красивый мост, и нам было трудно добираться до школы. Иногда мы проходили вброд. Русло реки превратилось в горы камней и гравия. В Егорьевске построили большую больницу-стационар. На высоком холме, где раньше было кладбище. На этом кладбище была похоронена наша бабушка Агафья. Люди возмущались, но их никто не слушал. В храме, которому было более ста лет, разместился сельский совет. В село приезжали новые семьи. Приехали и новые учителя.

Вместо уехавшего директора школы Турзякова, стал Судниченко М. И. Молодой, энергичный, он преподавал в старших классах историю. Его жена, Вера Александровна – дочь нашей любимой учительницы Александры Николаевны, преподавала математику и физику. Литературу и русский язык преподавала Алексеева Анна Михайловна. Молодая, энергичная и красивая.

Она тоже окончила нашу школу. Педагогический коллектив был молодой и сильный, все окончили Томский или Омский университеты. Многие ученики, окончившие нашу школу, поступали в высшие учебные заведения.

Окончание пятого класса. Я стою в среднем ряду третья справа

Приехала новая учительница начальных классов с дочкой Аллой, которая играла на скрипке. Мы с ней быстро подружились. Она играла на скрипке, а я пела. После того, как в село провели радио, я слушала с интересом музыку, когда позволяло время. Пела все, что передавали по радио. Арии из опер, на любом языке, совершенно не понимая, о чем там поется, песенки из оперетт. Любила петь «Песенку Пепиты» из «Вольного ветра», пела из «Сильвы», из «Свадьбы в Малиновке» и многие другие. В школе девчонки меня ждали. Окружат меня и просят спеть что-нибудь новенькое. Если я утром не успевала заплести косы, Валя Плотникова, слушая

мои песни, красиво заплетала мои волосы, укладывала их. Таких причесок не было ни у кого, что раздражало сестер Востротиных, и они придумывали новые козни.

СИЛЬНАЯ БОЛЕЗНЬ

Когда я перешла в шестой класс, мне было уже одиннадцать лет, папа сделал нам с Раей маленькие тяпки. В один из летних дней, мама, Рая и я пошли на пашню полоть картошку. Было утро. Мы с Раей шли и играли, а тяпки несли на плечах. Вдруг тяпка у Раи упала и рассекла ей пятку. Хлынула кровь. Мама заговорила, кровь остановилась. В ране было видно, что рассечено сухожилие и мама на руках несла Раю в больницу. Рану ей зашили. Но нога стала немного тоньше. Еще нам с Раей отец сделал маленькие литовки (косы) и мы ходили на покос. Был август месяц. Мама нас рано начала будить, чтобы дойти до нашей делянки, где мы будем косить, пока на траве лежит роса. Трава легко скашивалась, когда она влажная. Валя младших детей увела в детский сад. Мама меня будила, но я никак не могла проснуться. Приподнимусь и сразу падаю на постель. Сколько я находилась в таком состоянии, не знаю. На мое счастье, из Маслянино к нам приехала мама Соня. Позднее она мне рассказала следующее:

– Пришла. Дом был открыт. Вошла и увидела тебя, лежащую на кровати. Ты была без сознания с высокой температурой.

Когда мама утром меня будила, она даже не поняла, что я была очень больна. Мама Соня сходила на конный двор,

взяла запряженную лошадь и увезла меня в больницу. Не дождавшись, когда мне станет лучше, она ушла, а потом и вообще уехала в Маслянино.

Я пролежала в больнице всю осень. Ко мне приходили мои братья и сестры. У мамы не было времени меня навестить. Здоровье мое улучшалось очень медленно. Я регулярно теряла сознание. Случаи потери сознания у меня начались еще в детстве, когда была еще совсем маленькой, но на это никто не обращал внимания. Сергей Федорович всегда меня носил на руках и отпаивал молоком. Учась в десятом классе, когда мне становилось плохо, меня отправляли в больницу, где делали укол. Я помню, что делали глюкозу в вену. Когда меня выписали из больницы, не знаю, с каким диагнозом, да и никто этим не интересовался. Пока я лежала в больнице – всегда ждала маму. Больница была на высоком холме, а внизу у реки был наш дом. И я видела, как по двору передвигаются люди, и мне казалось, что я видела маму. Началась вторая четверть. Я пошла в школу. Но завуч мне сказала, что я пропустила целую четверть и не сумею наверстать. Меня оставили учиться в пятом классе второй раз. Никто даже не пытался позаниматься со мной, ведь я была способной, училась хорошо.

ШЕСТОЙ КЛАСС

Шел 1953 год. Я училась в шестом классе. Утром 20 марта по радио сообщили о смерти Сталина. Когда мы пришли в школу, все учителя, ученики и все работники школы находились в зале. Все плакали. Директор построил учеников на линейку. С дрожью в голосе и со слезами на глазах, он сообщил о том, какое горе постигло нашу страну. В своей речи он сказал о том, как много Сталин сделал для своей страны. Плач в зале не прекращался. Выступали старшеклассники. Они давали клятву: «С отличием окончить школу и достойно служить своей Родине!». Горе было страшное, это понимали даже мы – дети младших классов.

Закончив шестой класс, я очень захотела заниматься музыкой. Это означало, что мне снова нужно было ехать к маме Соне в Маслянино, так как в Егорьевске музыкальной школы не было.

Мама мне сказала:

– Поезжай.

В музыкальной школе нам сказали, что на фортепиано учиться нужно семь лет, на баяне пять лет, по возрасту я не могла поступить и обучаться на этих инструментах. Прислушались мои данные и предложили учиться играть на гитаре. Я стала ходить в музыкальную школу. Учение мне давалось легко. Но нужно было купить инструмент. Мама Соня

почему-то не покупала, а у родителей было стыдно просить, и вряд ли бы они купили. Проучилась полгода. Учителя мне предложили:

– У тебя хорошие способности. Но ты не достигнешь хороших результатов, не имея инструмента, потому, что нужно заниматься по несколько часов в день. Нам жаль тебя отпускать. Если хочешь, приходи к нам на сольфеджио и на хор. У тебя очень хорошие певческие данные.

СЕДЬМОЙ КЛАСС

В Маслянино я пошла учиться в седьмой класс. Школа была большая, просторная, с большим спортивным залом, в нем было много спортивного инвентаря, которого не было в Егорьевской школе. Большой актовый зал – в нем проводили репетиции. В те времена много занимались самодеятельностью, часто устраивали смотры, концерты. Я принимала активное участие в школьной самодеятельности, была солисткой в хоре.

В классе было тридцать человек. Меня выбрали старостой класса. Познакомилась с девочками, многие были из близлежащих сел. Особенно мы подружились с Валею Лаптевой. Я ходила к ним в гости, это километрах в шести от Маслянино. Сейчас бы я с удовольствием с ней встретилась. Классным руководителем у нас была Галина Николаевна, только что окончившая институт. Молодая, стройная, красивая, с двумя длинными черными косами и с широко открытыми карими глазами. Я в нее сразу влюбилась. Мне нравилось все: и хорошее отношение, и дружные ребята. Осенью нас отправили на полевые работы – копать картошку. Было уже прохладно и часто лил дождь. Жили мы в клубе. Питание было плохое. Совхоз выделял нам молоко, хлеб и еще какие-то крупы. Впервые я узнала, что в кипящее молоко можно насыпать муку. Мука загустевала и мы ели эту массу в чаш-

ках ложками. Ели вареную или запечённую в углях на костре картошку. Мы уставали, но все равно было весело. Проработав дней десять, нас увезли домой, так как некоторые дети стали простывать и болеть.

Проучилась в Маслянино я два года. Училась неплохо. А если что-то не получалось, Галина Николаевна (у нее еще не было семьи) могла мне объяснить, поработать со мной. Она все время проводила в школе. А у меня была одна беда и одна радость. Нет рядом мамы и желание увидеть ее. Однажды к нам в Маслянино приехал отец. Он получал пособие за детей за несколько месяцев. У него был мешок, полностью набитый подарками для семьи. Отец стал подарки выкладывать, говоря: «Это Рае, это Вале, это Любе», – и так далее. Для меня там не было ничего. Мама Соня меня хорошо одевала, но так хотелось, чтобы мне что-то подарили мои родители. Потом он начал считать деньги. Вначале считал пятирублевки. Я сидела и думала: «Дал бы он мне пять рублей». Потом он начал считать трехрублевки, я тоже ждала: «Может, даст три рубля». Затем считал рубли, я ждала: «Ну, хоть бы рубль дал». Он сосчитал, аккуратно денежки сложил и положил в карман. Попил чай, попрощался и ушел. В отличие от мамы, которая выкладывала все на стол, мама Соня не особенно умела угощать.

Ночами я часто плакала, скучала о маме, подушка становилась мокрой. Я ее переворачивала и не помню, как засыпала.

Наступило Первое мая. Еще местами лежал снег, было сыро и грязно. Было три праздничных дня отдыха. Я попросилась сходить в Егорьевск. Мама Соня не хотела меня отпускать, но я сумела ее уговорить. Встала очень рано утром, надела резиновые сапожки, плюшевый жакет и пошла тридцать пять километров, через леса, поля и небольшие села. Было страшно, очень боялась, но шла к своей любимой маме, к своим сестрам, это придавало мне силы. Пришла уже ближе к вечеру. Встреча была радостной, теплой со слезами. Мама была удивлена и спросила, знает ли об этом Софья. Искупалась в баньке, поговорили за столом.

– Мама, очень хочу вернуться домой, – сказала я.

– Но ведь ты сама захотела поехать. Тебе дороже наряды, чем семья – ответила мама.

Утром рано, еще только вставало солнце, мама разбудила меня, накормила своими вкусными блинами и проводила в дорогу. Шли мы километра два или три вместе, прощаясь обе плакали. Я шла и оглядывалась, мама стояла на пригорке и махала мне рукой. И снова топала тридцать пять километров по грязной, снежной дороге.

ВОСЬМОЙ КЛАСС

Восьмой класс я закончила хорошо. В это время у моего брата Саши очень болели ноги и он лежал в больнице. Я часто ходила к нему. Со мной ходили мои подружки. Брат много шутил и рассказывал интересные истории. Девчонкам он очень нравился. Говорили что, если пойдешь еще, возьми нас с собой. Брат был чуть выше среднего роста, с кучерявой светлой головой, с веселыми глазами, всегда смеющимися. После выписки он пришел к нам в гости. В это время он был в разводе со своей женой Валею. Я познакомила его с нашей соседкой Ларисой, она тоже была в разводе. Красивая, добрая и очень ласковая. Часто меня подкармливала, я ведь всегда была голодной.

В нашей семье мы всегда ели за общим столом, был завтрак, обед и ужин. У мамы Сони был другой распорядок. Утром она рано вставала, доила корову и гнала ее в стадо, управлялась, поливала огород и цветы, и ложилась спать часов до двенадцати. Поэтому я научилась ходить тихо, на цыпочках, искала, что поесть. Не дай Бог разбудить маму Соню.

Однажды я попросила маму Соню поехать с братом в Егорьевск. Она разрешила. Брат купил билеты на самолет. Мы летели на маленьком кукурузнике до Дубровки, где был аэродром. Самолет сильно трясло, но из окна мы наблюдали красоту нашего края, реки, леса, поля. С Дубровки мы шли

домой пешком. Всю дорогу разговаривали. Брат ко мне относился по-особому, с теплотой. Я не захотела возвращаться в Маслянино. За документами ездил брат, заодно привез молодую жену – Ларису. Она всем нашим очень понравилась. Мама с отцом купили им домик. Но счастье их было не долгим. Напишу позднее, когда буду рассказывать о жизни брата.

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

В Егорьевске я записалась в школу в 9 «Б» класс, тот который оставила два года назад. Учеников было много, добавились классы. Мест в старой школе не хватало. Стали строить новую, большую двухэтажную школу. Нас, старшеклассников привлекли к строительным работам. В основном мы были на подхвате – «принеси-подай». Потом поручили прибивать drankу, делать глиняные замесы. В строительстве нам помогали родители. Школу мы построили к началу учебного года. Во время небольшого отдыха, я пела. Знала очень много песен. Акустика в школе была хорошая. Все окна и двери, были заполнены слушателями. После моих песен были громкие аплодисменты. Наверное, таким путем я восстановила свой авторитет.

На открытии новой школы был митинг. Директор Михаил Илларионович поручил отличникам школы поднять флаг. Поздравили строителей, школьников, которые особо отличились на стройке, вручили небольшие подарки. Я тоже получила премию – письменный набор. Здание старой школы отдали под библиотеку, открыли спортивный зал и живой уголок.

В начале года нас принимали в комсомол. На присягу ездили в Маслянино, для этого была выделена машина. Было очень торжественно. Вручали комсомольские билеты и зна-

чок ВЛКСМ. Меня выбрали председателем советы дружины. У меня был чистый звонкий голос, правильная речь. Меня снова окружали мои друзья и подруги. В праздничные и торжественные дни все октябрята, пионеры и комсомольцы выстраивались на площади. Мой голос звучал на всю площадь.

– Ровняйся! Смирно! Приготовиться к поднятию флага!

Отличники поднимали флаг, шел рапорт.

– Приготовиться к сдаче рапорта! Сдать рапорт!

Вначале председатели сдавали рапорт мне, а потом рапорт сдавала я директору школы. Все это было так празднично, торжественно. Все были очень дисциплинированы.

Классным руководителем была назначена Анна Михайловна Алексеева, учитель русского языка и литературы, только что окончившая институт. Она вернулась в свое родное село, где жили ее мама и брат.

В нашем классе появилась новая девочка – Люда Барышева. Их семья приехала на прииск, так как отец был назначен инженером драги. Семья была большая. Люда младшая. Им выделили большой дом недалеко от школы. Мы как-то сразу понравились друг другу и подружились. Люда была девочка грамотная, начитанная, музыкальная. С ней было легко интересно общаться. Она знала много того, чего не знала я. Дружили мы с ней два года, как говорят, не разлей вода. Она знала много стихов, умела красиво их декламировать. Пела те песни, которые были мне незнакомы. В доме у них была большая библиотека и мне разрешили ею пользоваться.

Мы часто ходили друг к другу в гости. Мама была не против этой дружбы, Люда им всем понравилась. А как красиво она умела танцевать. Была легкая, пластичная, хорошо чувствовала музыку. На вечерах за танцы мы часто получали призы. На концертах мы пели дуэтом. Мой голос первый, а ее второй. Нас с удовольствием слушали зрители. Но иногда из зала кричали: «Эй! черная, уйди со сцены. Пусть поет белая!».

Проводы классной руководительницы Анны Михайловны. 9 класс. Я рядом с учительницей с книгой в руке

Мама, которая запрещала нам вечерами допоздна задерживаться на улице, мне разрешила гулять подольше. Мы провожали друг друга от моего дома до ее дома. За вечер эти

проводы повторялись несколько раз. Мы беседовали о прочитанных книгах, о просмотренных фильмах. Никогда не говорили о других людях или о своих знакомых.

Ее мама прекрасно шила. Платья Люды были пошиты из дорогих тканей, разных фасонов, взятых из журналов мод. Но у нее была какая-то нескладная фигура, не было груди, талии. Когда она примеряла, очередное сшитое мамой платье, кричала и возмущалась:

– Ты испортила всю мою фигуру. На мне сидит как на корове седло. Ты посмотри-посмотри, как сидит платье на Гале.

Сравнение конечно, было неудачное. Я хоть была немного ниже ее ростом, но у меня все было на месте. Да и платья я шила не из дорогих тканей. Иногда в шитье мне помогала Ия Дергелёва, портниха. У Раи тоже была своя знакомая портниха. Рая в то время уже работала на драге. Зарабатывала хорошие деньги. Могла позволить себе покупать красивые дорогие вещи. Мне в носке своих платьев и вещей она не отказывала, позволяла пользоваться своим гардеробом. Я, конечно, была модница еще та.

Дети подрастали. Денег, наверное, не хватало. Поэтому Рая, не окончив, десять классов, устроилась работать на драгу. За обучение в 10 классе, в те времена платили, какую-то сумму рублей. Родители оплатили за первую половину года, а она не стала учиться и вышла на работу. А училась она очень хорошо. В семье уже было четыре ученика. И что бы

одеть-обуть-накормить одной зарплатой отца не хватало. Мама тоже вышла на работу. Она всегда работала во вторую смену. Возвращалась домой в двенадцать часов ночи. Работала на подстанции, подвозила дрова к топке. Работа была тяжелая. Мама уставала. Хорошо, что мы уже взрослые дети, делали всю домашнюю работу. Готовили кушать, кормить скот, доить корову, следили за младшими детьми.

ССОРА С ПАПОЙ

Однажды, я дома была одна с детьми. Приготовила кушать. Детям разрешила сходить погулять и села обвязывать крючком носовые платки. Отец почему-то пришел поздно. Мне показалось, что он был выпивши. Вошел и строго спросил:

– Где дети?

– Я разрешила им погулять, – ответила я.

– Срочно позови их домой!

Я вышла на улицу, позвала, и они сразу прибежали домой, испуганные встали у порога. Папка строго сказал:

– Ложитесь спать!

Было около девяти вечера.

– Пусть поедят и вымоют ноги, – сказала я. Он, не слушая меня, приказал ложиться спать. Дети молча побрели к кроватям. Отец ворчал:

– Взяли за правило гулять допоздна.

На что я полушёпотом сказала:

– Сам-то гулял.

С моей стороны было дерзостью так перечить отцу. Он лежал на кровати, но слова мои услышал. Громко крикнул:

– В угол! – и показал пальцем. Я не приняла его слова всерьез, сидела на месте и продолжала вязать. Он второй раз крикнул:

– В угол!

Я встала, продолжая вязать. Дети тихо заплакали. Папка соскочил с постели и ударил меня по рукам. Вязание отлетело в одну сторону, а часы, которые мне подарила мама Соня в честь окончания седьмого класса, отлетели в другую сторону. Папка сказал:

– Подними.

Я подняла.

– Послушай, идут или нет.

– Нет, – ответила я.

– На ремонт денег не дам.

В угол он поставил меня в девять часов вечера. Время шло, я устала стоять. Но стоило мне переступить с ноги на ногу, думая, что он спит, он кричал:

– Встань смирно!

Я продолжала стоять, стараясь не шевелиться. У меня затекли ноги, тело не слушалось. В двенадцать часов ночи пришла мама. Удивилась, что горит свет, который мы всегда экономили. Прошла, села на сундук и увидела, что я стою.

– Что случилось, Галина? Сейчас же ложись спать.

Но я не могла двинуться с места. Ко мне подбежали мои сестры и помогли мне лечь на постель. Мама тихо сказала:

– Отец, пойдем на кухню, надо поговорить.

Что интересно, родители, никогда не ссорились о воспитании детей. Может по тому, что в основном воспитанием занималась мама.

БОЛЬНОЕ ГОРЛО

Учиться стало труднее, так как не успевала выполнить все задания, данные учителем. Нужно было выполнять домашние дела: поливать, полоть, копать, косить и еще помогать тем, кто просил маму о помощи. Кому вскопать, кому скосить. Воду для полива огорода мы носили ведрами с речки, повесив их на коромысло. Речка была далеко, огород был очень большой, более 20 соток. Вечером еще нужно было готовить уроки. Если я засиживалась допоздна, отец вставал и выключал свет, хоть мы платили 50 копеек за точку, горит она или не горит, плати. Однажды я не выучила историю, хотя знала, что меня спросят. Если не отвечу, будет стыдно. И я решила схитрить, притворившись, что у меня болит горло. Начался урок, вошел директор, он преподавал историю. Осмотрев класс, он сказал:

– Соколова к доске.

Я встала и тихо прошептала:

– Мне трудно говорить, у меня болит горло.

Директор обратился к классу:

– Сидеть всем тихо, чтобы услышать ответ Соколовой. Я стояла и молчала, так как не выучила урок, было очень стыдно.

Вот как же объяснить, такой поступок с моей стороны? Но Михаил Илларионович, меня пожалел:

– Лечи горло, урок ответишь завтра.

УМЕНИЕ И ЖЕЛАНИЕ ПОМОЧЬ РОДИТЕЛЯМ

Весной мы, старшеклассники, всегда заготавливали для школы много кубометров дров. Пилить дрова было нелегко, еще собрать все обрубленные ветки в кучу и сжечь их. Но работали мы с огоньком весело, дружно и слажено. Для своего дома мы тоже заготавливали много дров. Работали родители, старшие дети и еще нанимали работников. Напилить, наколоть, а еще нужно их из леса домой привезти. И вдруг, неожиданно подвернулась машина. За определенную сумму мама договорилась с водителем, чтобы он вывез дрова из леса. Водитель сделал несколько рейсов. Дороги в лесу были очень плохие. Нужно было загрузить в лесу, домой привезти и разгрузить. Осталось не вывезенными около двух машин. Было уже темно. Все устали. Шофер отказался ехать за оставшимися дровами:

– Я не могу. Вдруг за рулем усну.

– Я пошлю с тобой своих девчонок, – сказала мама. – Они будут петь и ты не уснешь.

Мы сделали с ним два рейса, не смолкая пели Рая и я. Уже была полночь. Мама стала благодарить шофера и рассчитываться с ним. Он взял меньше договоренной суммы.

– А на эти деньги купите моим помощницам конфет.

УМЕНИЕ ТРУДИТЬСЯ ДРУЖНО

Хочу рассказать, какая у нас была дружная, хорошая семья. Кроме того, что мы всей семьей дружно сажали и копали картошку, косили и заготавливали дрова, собирали грибы и ягоды. А в зимние, воскресные вечера садились всей семьей за большой стол на кухне и стряпали пельмени. А процедура эта не так легкая, как кажется. Отец за столом был главным. Вначале в корыте сечкой он рубил мясо, а мама месила пельменное тесто. Вторым этапом было распределение работы: одни раскатывали и нарезали тесто, другие раскатывали сочни, остальные лепили пельмени. Пельмени должны быть одинаковыми по размеру и правильно завернуты. Если кто-то делал неправильно, отец мог стукнуть ложкой по лбу. Пельменей стряпали тысячу штук, иногда и больше. Отец считал пельмени. И вообще он считал все: и сколько рядов прокосил, сколько рядов посадили картошки, сколько снопов нарвали льна и так далее. Я тоже все люблю считать. Сколько слепила пирожков или пельменей. Даже считаю шаги, когда гуляю. Налепленные пельмени замораживали, потом ссыпали в льняные мешки и подвешивали на чердаке, чтобы не поели мыши. Пельменей хватало на все зимние праздники.

Так же мы всей семьей разделявали холодец. Каждому хотелось погрызть косточки, а суставные косточки, мы их на-

зывали бабки, забирали для игр.

МОЙ ПЕРВЫЙ ВЗНОС В СЕМЕЙНЫЙ БЮДЖЕТ

Живя у мамы Сони времени для подготовки уроков было достаточно и училась я хорошо, без особых проблем. В девятом классе более сложная программа, а времени для подготовки уроков очень мало. Ведь дома столько работы. Училась между хорошо и удовлетворительно. Но девятый класс я окончила в целом, неплохо и перешла в 10 класс.

Семья увеличилась, уже стало восемь детей. Старшие дети повзрослели. В нашем домике было уже трудно всем помещаться. Отцу, как многодетному, выделили для строительства уже готовый сруб дома. Родители пригласили родных, знакомых и соседей помочь в строительстве. Тогда это называлось помощь. Родители за работу никому не должны были платить денег. Просто тем, кто помогал, нужно будет отработать. В основном отработывали дети, по два-три ребенка отправляли за одного взрослого. Так мы пасли коров, учась в классах шестых-седьмых. Пасли подённо: в один день один хозяин, во второй следующий. Кто не мог или не имел возможности, просили маму, и она отправляла нас, детей. Вначале скота пасли Валя, Рая и я, когда подросли младшие дети, стали пасти они. Таким способом мы помогали родителями поддерживать семью.

После девятого класса я устроилась работать на строй-

ку. Строить стали больше, так как в Егорьевск, для работы по добыче золота на драге приезжало много специалистов. Население увеличивалось. Приезжали учителя и врачи. Дома для них были уже построены. Мы занимались отделочными работами: конопатили стены, обивали их дранкой, месили глину с соломой, а соломой нужно было нарезать, в то время цемента не было. В глину клали измельченную солому.

Проработала я два месяца. Меня провели по высшему разряду. Деньги получил отец. Я заработала больше, чем получал отец.

КАК Я ОСТАЛАСЬ ГОЛОДНОЙ

Начались покосы. Себе мы сено заготовили и тоже приглашали соседей. Нужно было отрабатывать тем, кто помогал нам на строительстве дома. Первым обратился сосед Василий Воробьев. Вместо одного взрослого мама отправила Раю, Валу и меня. Бригаду Василий собрал большую. Нужно было косить, пока стояла хорошая погода, а потом траву высушить и сложить в стога. Я косила, идя за хозяином, он шел первый прокос, я – второй. После каждого прокошенного ряда я должна была поточить литовку себе, Рае и Вале. Василий меня похваливал, а я старалась. Через несколько часов литовки стали тупиться, а мы уже уставали. Единственным стимулом для работы было предвкушение скорейшего обеда. А на обед брали все самое лучшее, вкусное, что бы людям понравилось, тогда к этому хозяину они могут прийти еще работать. Когда в очередной раз точила литовку, поранила палец. Побежала кровь. Я сняла с головы белый платок. Мы на работу одевались чистенько: наглаженные сарафанчики или платица, белые косыночки. Платок мой быстро пропитался кровью, я стала отставать и больше не могла точить литовки. Еще чуть-чуть и будет обед. Василий заметил мое отставание, а когда увидел обмотанную руку с окровавленным платком, строго сказал:

– Срочно иди домой. Еще получишь заражение.

Как мне не хотелось уходить. Я очень хотела есть. До дома было километра три-четыре. Но все-таки пошла.

Когда я спускалась с горки, по холмистой местности, меня увидела мама, пошла мне на встречу. Увидев мой окровавленный платок, сказала:

– Ты это специально порезалась, чтобы не работать.

Заговорила мне кровь, замотала руку оторванным от своего платка лоскутком. Сказала:

– Пошли.

Когда мы вернулись на поле, все уже пообедали и отдыхали на скошенной траве. Мама, взяла литовку, мы начали с ней косить, наверстать то, что я не успела когда ушла домой. Вторую половину дня я работала голодной. На большом пальце моей руки так и остался шрам от пореза косой.

СИЛЬНАЯ ОБИДА

Лето заканчивалось. Начались дожди, грозы. А грозы у нас были страшными. Молнии одна за другой сверкали до самой земли. Часто видна была шаровая молния, и много людей погибало от нее. От гроз и молний случались пожары. От раскатов грома тряслась земля. В своей жизни я боялась больше всего змей, молний, отца и брата Виталия.

Было дождливое утро. В этот день подошла наша очередь пасти скот. Маме было жаль будить младших сестричек. Она разбудила меня:

– Галина, попаси сегодня скота часов до десяти, потом тебя сменят девчонки.

Подала мне бич (кнут) и сеточку с продуктами. Я знала, если мама дала продукты, значит, пасти я буду целый день. Когда мы были еще детьми, нам было интересно даже в дождь пасти скот, потому что в такие дни скот не бегал, а стоял или лежал под деревьями. А когда мне уже семнадцать – стало пасти уже стыдно, вдруг меня увидят мои одноклассники. Я пыталась уговорить маму:

– Мама, дай мне любую работу. Только не посылай меня на пастбище.

Если мама сказала, менять свое решение она уже не будет. Шел сильный дождь. Я взяла сеточку с продуктами и плача пошла. Пасли мы скот по два хозяина в паре. Когда я пришла

на поле, была вся мокрая, сапоги были полны воды. Ко мне подошла тетя Маруся, она была в плаще. Во время дождя скот всегда стоял под деревьями.

– Иди домой, ты вся промокла, – сказала она, – Сегодня мы пропасем с сыном, а потом вы отработаете за нас.

– Нет, – сказала я, – останусь и буду пасти.– знала, что маме это не понравится, я буду опять виновата. Так оно и случилось.

Тетя Маруся силой отправила меня домой. Когда я вернулась, отец уже шел на работу к восьми часам. Увидев меня, мама рассердилась за мое неповиновение. Она не стала слушать мое оправдание.

– Отец, поучи ее.

Он вернулся, взял плетъ с узелком на конце, опоясал меня раза три и ушел на работу. Мама ушла по делам. Я залезла на чердак нашего старого дома, плакала от обиды. Мне не хотелось жить, хотелось повеситься, но гнала эту мысль от себя. Вдруг слышу, кричит тетя Маруся:

– Даниловна, что ж ты в такой дождь отправила свою дочь. Я её отправила назад домой. Когда-нибудь вы отработаете за нас.

Я ждала, что мама подойдет ко мне и скажет: «Прости доченька». Но этого не случилось. Я поела ягоды, которые сушились на чердаке и ушла из дома. Этого никто не заметил. Я бродила по холмам. Дождь прекратился, одежда на мне высохла. Но желание умереть меня не покидало. Но как это

сделать, не понимала. Села на пенёк и думала: «Вот я умру, а они меня найдут, будут плакать». От таких мыслей мне стало не по себе: «Сколько горя я принесу своей маме». Обида на нее прошла, но домой идти не хотелось. Вдруг я услышала детские голоса, меня искали мои сестры. Мы обнялись. Они радовались, что нашли меня.

– Галя, идем домой. Нас мама послала тебя искать.

Придя домой, я заметила, что мама и отец сделали вид, что ничего не произошло.

НЕОБДУМАННЫЕ ПОСТУПКИ

Закончились полевые работы, выкопали картошку. Появилось время, для отделочных работ дома. У всех было желание перейти в новый дом еще до занятий в школе. Работала вся семья, все старались. Родители снова пригласили для помощи соседей.

И вот наш дом готов для приема жильцов. Комнату, где будем жить мы дети, оформляли Рая, Валя и я, очень старались. Кровати заправили красиво с вывязанными прошвами, на пуховые подушки были надеты наволочки с тонкой вышивкой и вывязанными крючком вставками. Стены, столы и кровати были украшены нашими вышитыми изделиями. Вышивала больше Рая, а я вязала крючком. В доме было чисто и уютно. Большие светлые окна, на подоконниках стояли цветущие комнатные растения. Электричество было проведено в каждую комнату. К нам заглядывали соседи посмотреть, как мы устроились в новом доме, приходили учителя. Всем очень нравилось, слышны были похвалы и одобрения.

Начались занятия в школе. Мы много и добросовестно занимались и выполняли все домашние дела, которые не уменьшались. С Людой Барышевой мы часами сидели за учебниками и книгами. А вечерами, провожая друг друга, рассказывали прочитанные произведения для лучшего запоминания. Вопросами контролировали свои знания. Нашей

дружбе, казалось, не будет конца.

В субботу и воскресенье по-прежнему ходили на танцы. Люда никому не разрешала пригласить меня на танец, да мне не очень и хотелось. Мне было так хорошо: легко и свободно. Как-то осенью к ним приехала семья Диргелевых. У них было трое детей. Старшему Юре лет восемнадцать. Он пытался за мной ухаживать. Мне это было не интересно. Люда сказала мне:

– Скажи ему, пусть он нам купит килограмм конфет ирис «Кис-кис».

Он купил, мы взяли конфеты, поблагодарили его и ушли. И так поступали с ним несколько раз, до тех пор, пока он не уехал в Новосибирск учиться.

Еще с девятого класса нам стали преподавать этику и эстетику. Учили поведению за столом, как пользоваться столовыми приборами, как общаться с людьми, и даже как смеяться. Смеяться нужно только улыбкой, не громко. Наша молодая учительница Вера Александровна говорила:

– Это все вам в жизни пригодиться. Приводила примеры из своей жизни.

Закончилась первая четверть, наш любимый классный руководитель Анна Михайловна вышла замуж за своего одноклассника. Он окончил военное училище и служил за границей. Мы всем классом ее провожали. Приложу фото.

Нашим классным руководителем стала Вера Александровна – учитель физики и математики, красавица и умни-

ца, очень строгая, но справедливая. Однажды она сказала:

– Проведем классное внеочередное собрание.

Мы ждали ее в классе. Она вошла с письмом в руках.

– Ребята, у нас сегодня будет необычное собрание. На повестке всего один вопрос. Вчера пришел ко мне мальчик, ученик нашей школы, Боря Третьяков с письмом в руках. Он был очень возмущен. «Почему написали это письмо? Вы ведь могли сказать мне все в глаза».

Мои щеки стали краснеть. Буквально несколько дней тому назад, я ему написала письмо. Он пытался за мной ухаживать, а сам был такой неопрятный, развязный, и вообще он мне не нравился, но учился он хорошо. В письме я ему делала замечание и предлагала, как правильно нужно вести себя. Письмо, конечно, не подписала. Подчерк у меня был красивый, учительский. Вера Александровна, конечно, догадалась кто писал, но продолжала говорить:

– Какая-то девочка написала Борису письмо. Учила, как правильно вести себя, делала замечания, а сама даже не оставила своего имени. Это называется анонимное письмо. Если у вас появиться желание написать такое же поучительное письмо, будьте до конца честными, не забудьте поставить в конце свои инициалы.

Я благодарна ей за то, что не назвала моего имени.

СКРЫТАЯ ЛЮБОВЬ РОДИТЕЛЕЙ

Учеба продолжалась. Школа, дом, работа, прогулки, беседы. Ничего особенного в моей жизни не было, кроме школы.

Я всегда думала, что отец меня не очень любит. Может, это было не так, но я никогда не слышала от него ласкового слова и вообще, он меня не замечал. Я его побаивалась. Отец много не говорил, но как посмотрит, становилось не по себе. Хоть его взгляд я переняла и часто применяла его в работе и в жизни – не ругалась, а убивала взглядом. А сейчас такой взгляд использует мой сын, Алеша. Ругаться не будет, а посмотрит так, что без слов все понятно. Любимчиками отца были Рая, Люба, Маша, позднее внук Костя, а еще позднее внучка Олеся.

Как-то я пошла гулять с соседской девочкой Таней Воробьевой, ей было годика два-три. Они жили в конце нашего огорода. Мы все любили эту девочку, всем хотелось с ней погулять. Нянчила ее бабушка Мария. Она разрешила мне с ней погулять. Когда я от них уходила, к ним зашел мой отец. Я сразу спряталась за дверь. Мне показалось, что он был выпивши. Он о чем-то с бабушкой поговорил, потом я слышу его слова: «Много детей в моей семье. Хорошие дети, послушные. Но самая умная у меня Галина». Это были слова, которые я никогда от него не слышала. И тихо, стоя за дверью, мне было так приятно и радостно на душе. В го-

лове роилось: «Отец меня тоже любит!».

Родители нас никогда не хвалили. Мама всегда говорила: «Пусть люди похвалят». А иногда скажет: «Вы такие маленькие, плюгавенькие, вас и замуж-то никто не возьмет». А от людей мы часто слышали похвалу. Но если когда-нибудь мы задерживались на прогулке, мама всегда строго говорила:

– Попробуйте только меня опозорить. На одну ногу встану, за другую раздерну. Я вас породила – я вас и убью.

Зимой работы было меньше. Если не считать, что утром на саночках по насту ездили за сеном, вытягивали его из снега. Грузили на саночки и везли, руки были красными, замершими. Или вывозили отходы со скотного двора. Но этой зимой отец купил лошадь. Наша помощница-лошадка много дел выполняла за нас.

В этом году из Егорьевска уехали последние эстонцы. Уехал ученик нашего класса Реинсо Рейн. Мы с ним переписывались еще года 2—3.

В новый год для младших детей мы наряжали елку. Сами её в лесу срубали, приносили, устанавливали. Игрушки тоже делали сами вместе с младшими детьми. Радости было в доме и веселья много. Даже мама нам не делала замечаний.

ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ

И вот заканчивается учебный год. Начинаются экзамены. Первый экзамен сочинение. После консультации мы идем домой к Люде. Два года я с ней дружила, ходила к ней в гости и ни разу не слышала в их доме скандалов. Когда мы пришли, в доме был сильный шум – это бушевал ее подвыпивший старший брат Женя. Он кричал на свою жену, очень спокойную, терпеливую, ласковую Валю. Мне стало неловко. Я извинилась и ушла домой. Крики были слышны даже на улице. Утром я прихожу на экзамен в школу, ко мне подходит Люда и злобно говорит:

– Как ты могла разнести по всему селу сплетню, о том, что у нас в доме был скандал!

Я пыталась ей объяснить, что я не могла так поступить. Она не стала меня слушать. Подошла Лариса Востротина, взяла ее за руку:

– Пойдем. Что ты могла от нее ожидать?

Сочинение мы писали, сидя за разными партами. И результат – двойка у меня и двойка у нее. Было тяжело и стыдно. Продолжали сдавать экзамены по другим предметам, но состояние было тягостным. Спасибо учителям и директору, они разрешили пересдать нам экзамен до выпускного вечера, так как мы обе учились хорошо.

На выпускном вечере, на мне было красивое платье, как

у Людмилы Гурченко: рукав фонариком, низ расклешен. Его подарила мне сестра Рая. На вечере присутствовали папа и мама. Мы торжественно получили аттестат, послушали добрые пожелания учителей, директора и родителей. Было очень грустно, но пытались веселиться. Весь вечер мы с Людой не общались. Я пела «Школьный вальс». И вообще много пела, но мало танцевала. Мне еще раз пришлось петь «Школьный вальс», уже на встрече выпускников и на выпускном вечере сестры Маши. Из девяти детей Соколовых, только я и Маша закончили десять классов.

Постепенно настроение улучшилось. Мы танцевали и играли. Родители ушли в двенадцать часов, а мы с учителями пошли гулять по селу. Всем классом сходили в больницу, так как одна девочка из нашего класса сломала ногу и лежала в это время. Домой я вернулась часов в пять утра. На пороге ждала меня моя мама. Она молча подошла ко мне, с силой ударила по щеке, и молча ушла. Я не поняла за что, и не могла спросить, да мама бы и не ответила. В этот день мы должны были пойти на молодежное гуляние, которое проходило летом после окончания школы. Все старшеклассники готовили концерт. Я была ответственной. Утром за мной зашли мои одноклассники. Мама сказала:

– Никуда она не пойдет. Она только под утро пришла домой.

Ребята наперебой стали рассказывать, что все они тоже пришли утром. Долго маму уговаривали:

– Без Гали у нас не получится концерт.

И она сдалась. Даже дала мне три рубля.

Вот так закончилась моя школьная и сельская жизнь. Через несколько дней я уехала поступать в институт.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВО ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ

Поехала я поступать в педагогический институт с девочкой Катей из параллельного класса в город Камень-на-Оби. У Кати жила там сестра. Ехали в грузовом такси около двухсот километров. Сиденья были жесткими, скамейки стояли близко друг к другу. Было тесно, душно, около нас человек двадцать пять. Приехали к вечеру. Утром пошли сдавать документы. Мне очень хотелось поступить на исторический факультет. Историю я очень любила и неплохо знала, кроме истории КПСС. Но факультеты были уже заняты другими абитуриентами и нам предложили факультеты физкультуры или русского языка и литературы. Катя пошла на физкультурный. Литературу я очень любила и знала хорошо. Очень хорошие были учителя. Но русский язык у меня хромал. Выбора не было. На первом же экзамене я завалила, получила 4/2, две орфографические ошибки и четырнадцать пунктуационных! Я и сейчас этим страдаю, как говорю с интонацией, так и пишу, везде бы ставила знаки препинания: запятые, тире, восклицательные знаки. Неудачи преследовали меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.